

ПИСЬМА ОТЦА К БЛОКУ (1892—1908)

Предисловие, публикация и комментарии Т. Н. Конопацкой*

В Отделе рукописей Государственного литературного музея хранятся письма к Блоку его отца, Александра Львовича Блока, за 1892—1908 гг. (3 из них написаны на почтовых открытках, 6 — на отрезных купонах денежных переводов).

Письма эти, приобретенные музеем в феврале 1948 г. у Г. П. Блока, представляют значительный интерес для изучения жизни и творчества поэта. Они многое объясняют в его письмах к отцу, впервые опубликованных в 1927 г. в изд. «Academia», проливают дополнительный свет на отношения отца и сына и являются ценным документальным материалом для характеристики весьма своеобразной, выдающейся и трагической личности самого А. Л. Блока. Значение отца в духовном развитии Блока, в отличие от исключительной роли его матери, выяснено исследователями еще недостаточно. Восполнить этот явный пробел помогут как публикуемые ниже письма Александра Львовича к сыну, так и его переписка с родными и воспоминания современников о нем, которые впервые печатаются в настоящем томе. Для понимания личности А. Л. Блока как человека и ученого большую ценность представляет биография, написанная его учеником Е. В. Спекторским, пользовавшимся в течение многих лет особенным расположением и доверием Александра Львовича¹. Наконец, обращение к научным работам А. Л. Блока дает возможность глубже понять его убеждения и причины некоторых идейных и эстетических разногласий с сыном.

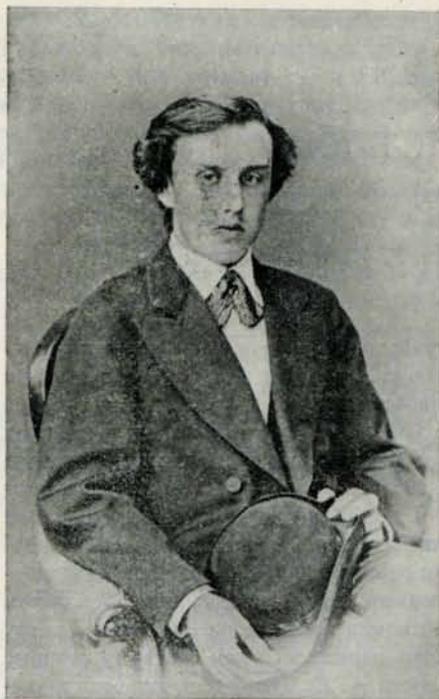
Из краткой заметки Л. Словимского, составленной на основе автобиографической записки А. Л. Блока для III тома критико-биографического словаря С. А. Венгерова, известно, что основными жизненными понятиями он «обязан не только родителям, но и некоторым домашним наставникам (людям преимущественно университетского образования, по духу принадлежавшим к двум известным русским поколениям — 40-х и 60-х годов)»². Окончив в 1870 г. Новгородскую гимназию с золотой медалью и поступив на юридический факультет Петербургского университета, юноша «все более и более сосредоточивался на уединенных книжных занятиях или на отдаленных от городского «шума» мечтах. . .»³.

Известно также, что студентом, чтобы обеспечить себе независимость, он ушел из родительского дома (отец принадлежал к высшей петербургской бюрократии) и стал добывать средства к существованию уроками. В 1876 г. он выдержал магистерский экзамен и вскоре получил приглашение занять кафедру государственного права в Варшавском университете, где и стал преподавать с 1878 г. Казалось, все сулило блестящую будущность талантливому молодому ученому.

Рекомендуя своего ученика ректору Варшавского университета Н. М. Благовещенскому, проф. А. Д. Градовский писал, что Александра Львовича «смело можно отнести к числу весьма образованных, живых людей, с отличною общею подготовкою», что «при производстве магистерского экзамена г. Блок произвел наилучшее впечатление на весь факультет, как основательностью сведений, так и даром изложения»⁴. Градовский характеризует Блока как «отличного товарища, доброго, честного и симпатичного во всех отношениях»⁵.

Известно, что Достоевского, встретившего А. Л. Блока в эту пору, заинтересовала незаурядная личность молодого ученого, в котором он угадал глубокий трагизм противо-

* За помощь в подготовке комментария к публикации редакция приносит глубокую благодарность М. Л. Гаспарову.

А. Л. БЛОК

Фотография, 1870-е гг., Варшава
Литературный музей, Москва

Особенно широкую полемику вызвала вторая книга: «Политическая литература в России и о России (вступление в курс русского государственного права)» (Варшава, 1884) с приложением общей программы курса, — предназначавшаяся для студентов Варшавского университета (в то время главным образом поляков).

В этой работе, по жанру скорее напоминающей публицистический очерк, чем ученый труд, Александр Львович, отмечая односторонность славянофилов и западников, стремился доказать, что как те, так и другие не понимали истинного величия России, которой по размерам, социальному и многонациональному составу нет равных в Европе и которой в силу этих и других, присущих ей особенностей, предстоит в будущем великая всемирно-историческая роль.

Чтобы лучше уяснить очень важную для нас черту во взглядах и пристрастиях Александра Львовича, следует привести то место книги, где он, критикуя западников, проглядевших светлые стороны в истории и культуре России, говорит, в частности, о красоте, значительности и реализме русского устного народного творчества, сопоставляя его с западноевропейским: «А народные песни и в особенности *былины* о разных «чудо-богатырях», олицетворявших в себе всякую силу и всякие подвиги, не одни только физические, но отчасти и нравственные? Последние едва ли даже не превышают по своему общественному значению все «благородные» или просто «эффектные» поступки наиболее блестящих западных «героев», — начиная хоть с «неистового Роланда» и кончая позднейшими «рыцарями без страха и упрека», прославленными за непроизводительное служение «богу и даме». Знаменитый Илья Муромец, у которого «сила-то по жилочкам так живчиком и переливается», которому «грузно от силушки, как от тяжкого бремени», — является не простым искателем приключений и личных успехов или самоотверженным блюстителем каких-нибудь королевских интересов, вроде германского Зигфрида. И он, и многие другие богатыри, эти герои русского народного эпоса, отчасти ради собственной «потехи молодежи» совершают разные общепользные дела, т. е., например, истребляют разбойников, «поганых» половцев, татар и т. п., отчасти же по доброй охоте, сами по себе и каждый по-

речивой природы⁶. Эта душевная раздвоенность, по словам Спекторского, налагала «отпечаток какого-то вечно неудовлетворенного искания как на его благородный внешний облик, так и на все его труды»⁷.

Немногочисленные, но несомненно талантливые печатные работы А. Л. Блока в свое время вызвали интерес. Л. Слонимский писал, что они «отличаются большою самостоятельностью мысли, критическим отношением к господствующим западноевропейским теориям и некоторою склонностью к национально-патриотическому оптимизму»⁸.

Первую книгу А. Л. Блока «Государственная власть в европейском обществе. Взгляд на политическую теорию Лоренца Штейна и на французские политические порядки» (С.-Пб., 1880) цензура приговорила к сожжению⁹. С большим трудом преодолев препятствия, А. Л. Блок защитил ее как диссертацию в Петербургском университете и получил степень магистра.

Книга эта, полная интересных наблюдений, примечательна прежде всего тем, что в ней автор — один из первых русских государствоведов, — заявил, что «всякая государственная власть принуждена соблюдать основные интересы господствующего класса...», признал таким образом классовый характер современного государства.

своему «страдают за русскую землю», причем кланяются «на все четыре стороны» и держатся вообще очень независимо, даже по отношению к «ласковому князю Владимиру». Таковы были *идеалы* общества и в ту позднейшую эпоху, к которой относится происхождение былин; таковыми остаются они отчасти и в наше время. Нечего и говорить о сравнительном реализме, всегда отличавшем нашу народную поэзию и многим даже препятствовавшим понять всю возвышенность ее духовного полета. Например, жизнерадостный богатырь «Алеша Попович-млад» занимается между прочим обольщением девиц и молодежи, но употребляет при этом довольно обыкновенные, земные средства (кажется, игру на гуслях и т. п.), не замешивая в дело те небесные и «адские» силы, которые играют такую важную роль в западных легендах о Дон-Жуане и Фаусте; а главное — он и не думает «продавать свою душу дьяволу», что может быть всего характернее в данных примерах»¹⁰. Завершая свою книгу, в которой много ссылок на исторические и философские труды и цитат из произведений Хомякова, Чаадаева, Герцена, Пушкина, Лермонтова, Тютчева и, конечно, Достоевского, Александр Львович приводит строки из поэмы Некрасова «Несчастные»: «Опередили иноземцы, — // Но мы догоним в добрый час!» и т. д. — и кончает следующими словами: «Широкая и глубокая *идея России*, столь часто воплощавшаяся в разных изящных искусствах, должна воплотиться, наконец, и в труднейшем из искусств — в искусстве отвлеченного мышления вообще, а в частности, и в мышлении научно-политическом, может быть, наиболее из всех трудном: я не о внешних только трудностях говорю»¹¹.

Приведенные выше отрывки дают некоторое представление о том сжатом и образном стиле, к которому тяготел Александр Львович.

Кроме двух небольших по объему, но емких по содержанию книжек и актов речи «Об отношении научно-философских теорий к практической государственной деятельности», появившейся с большими цензурными сокращениями в «Варшавских университетских известиях» в 1888 г., Александр Львович больше ничего из научных трудов не напечатал, если не считать еще нескольких критических статей в специальных журналах и пространных программ курса государственного права в тех же «Варшавских университетских известиях», содержание которого менялось им почти каждый год.

Последние двадцать один год жизни Александр Львович посвятил созданию большого философского труда: «Политика в кругу наук». (Труд этот, в основу которого была положена специально разработанная им своеобразная классификация наук, не был завершен и остался в рукописи.)

Чтобы осуществить задуманное, Александру Львовичу пришлось серьезно расширять свое образование. Особенно глубоко он изучал естественные науки. В. Измаильская в своей статье пишет, что проф. А. В. Горбунов, знавший Александра Львовича, сообщает следующее: «Его своеобразные выводы и точки зрения, привносимые им в эту область знания, являлись весьма ценными и плодотворными для многих исследователей естествознания, искавших общения с ним»¹².

Свои идеи Александр Львович излагал в университете с кафедры и в долгих беседах со своими ближайшими учениками. Хорошо усвоивший его взгляды и идеи Спекторский утверждает: «Александр Львович был убежден, что у каждой мысли есть только одна действительно соответствующая ей форма выражения. Годами переделывая свой труд, он и искал эту единственную форму, преследуя при этом сжатость и музыкальность (ритмичность, размеренность). В процессе этой бесконечной переработки он стал в конце концов превращать целые страницы в строки, заменять фразы отдельными словами, а слова — знаками препинания. При этом, — говорит Спекторский, — он не замечал, что «его работа становится все более и более символистическою, еще понятною для ближайших учеников, но для широкого круга непосвященных уже совершенно недоступною»¹³.

Поэтому предсмертное желание Александра Львовича, чтобы его многолетний труд был издан хотя бы в незаконченном виде, не могло быть осуществлено.

Характеризуя человеческие качества Александра Львовича, Спекторский подчеркивает его суровую волю, умевшую твердо и неумолимо подчинять желания и порывы строгим принципам. Одним из основных жизненных правил, — пишет Спекторский, — «являясь во многих случаях личной и публичной жизни живой пример строгой принципиальности, он предпочитал вызывать нарекания со стороны других и причинять страдания самому себе, чем уклоняться от сознанного долга и его осуществления. Такие люди мало

А. А. БЛОК (МАТЬ ПОЭТА)

Фотография Бранделя, 1880 г., Варшава

Литературный музей, Москва

Только в 1907 г., за два года до смерти, А. Л. Блок, наконец, был избран деканом юридического факультета.

Из студентов, высоко ценивших своего профессора, кроме Е. В. Спекторского, можно назвать еще Ф. В. Тарановского и М. А. Рейснера. Последний, будучи уже известным профессором, вспоминал своего учителя как выдающегося ученого, «личность весьма одаренную, с признаками гения»¹⁶.

Современники отмечали особую артистичность натуры Александра Львовича. Она проявлялась, в частности, в его живом интересе к живописи, литературе и особенно музыке. Екатерина Герцог, дочь приятеля Александра Львовича, юриста, члена Окружного суда в Варшаве, в семье которого он бывал частым гостем, говорит, что, садясь за рояль, он отрешался от окружающего, забывал о времени: «Он очень хорошо знал историю музыки, — вспоминает она, — и интересно рассказывал нам о каждом произведении Бетховена». Она свидетельствует и о прекрасной памяти Александра Львовича, благодаря которой он мог часами читать своих любимых поэтов. «Евгения Онегина» он знал так хорошо, — по ее словам, — что мог начать читать его с любой строки» (см. ниже «Приложение» II).

По утверждению Спекторского, искусство для Александра Львовича имело не меньшее значение, чем наука. Искусство отвлекало его от житейской прозы и отвечало душевной потребности мечтать. При этом «на его лице строгие аскетические линии сурового моралиста <...> озарялись мягкой улыбкой поэтического настроения. В искусстве его <...> влекли к себе не столько резко очерченные типы и образы <...> сколько нервы, не столько грубые, кричащие краски, сколько нежные нюансы, едва уловимые, трепетные оттенки и переливы»¹⁷.

На склоне лет одинокий, дважды разрушивший своей нетерпимостью семейную жизнь, с надорванным здоровьем и распатанной психикой, Александр Львович сохранил все же

популярны. Их часто избегают. И хотя для них добро — нечто весьма важное, их не считают добрыми»¹⁴.

Навестивший своего дядю в Варшаве Г. П. Блок вспоминает, что среди студентов Варшавского университета у него «не было равнодушных слушателей: были враги (огромное большинство) или страстные приверженцы. Такие насчитывались единицами»¹⁵.

Строгий, одержимый своей наукой профессор требовал такого же подвижнического отношения к своим занятиям и от студентов, которым особенно трудно давалась та философская концепция, которую он преподносил им в своих лекциях. Спрашивая на экзаменах иной раз от часу до полутора часов, Александр Львович, по свидетельству Е. А. Боброва, сам оставаясь невозмутимым, порой доводил экзаменующихся до «исступления» (см. ниже «Приложение» II).

С людьми Александр Львович сходилась трудно. Среди профессоров университета он чувствовал себя одиноким. Необычный образ жизни, который он вел, странности в поведении, постоянная погруженность в какие-то свои думы — все это к нему не располагало. С горечью рассказывал сын Боброву о тех притеснениях, какие ему приходилось терпеть в Варшавском университете. За гордость и независимый образ мыслей университетское начальство считало его опасным человеком (см. там же).

и очень светлые стороны души. Зная его в этот период Е. Герцог вспоминает усталого профессора, который приходил в дом ее родителей в своем неизменном потрепанном черном сюртуке и, ласково улыбаясь молодежи, забрасывавшей его бесчисленными вопросами, всегда обстоятельно и эрудированно отвечал на них, давая справки «на всех европейских языках, которые он знал в совершенстве». Е. Герцог говорит и о том, что Александр Львович охотно принимал участие в шарадах и других затеях, которые устраивала собиравшаяся у них молодежь.

Сам он трагически относился к тому, что совершил в своей личной жизни. В этом убеждает и тот факт, что в холодной, запущенной квартире он все оставил так, как это было в день ухода его второй жены. Даже маленькая кроватка Ангелины, на которую в долгие одинокие вечера он мог смотреть часами, осталась на прежнем месте; и среди хаоса книг, газет и вещей, покрытых пылью, как горький укор его совести стоял портрет дочери, обрамленный венком из цветов.

Одной из странностей характера Александра Львовича было то, что, имея материальную возможность жить безбедно, он будто бы в целях экономии отказывал себе в элементарных бытовых удобствах. Его считали скупым, хотя было известно, что в театр и на концерты он всегда брал лучшие места, делал подарки, охотно давал взаймы. М. А. Бекетова объясняет это противоречивостью его натуры, тем, что «чисто плюшкинская скупость уживалась в нем с отсутствием расчетливости: ведь оба раза, — прибавляет она, — он женился на бесприданницах»¹⁸.

Публикуемые письма — убедительное доказательство того, что, несмотря на сложные отношения с сыном, Александр Львович никогда не проявлял скупости и был неизменно внимателен к Блоку в моменты его материальных затруднений.

Известно, что Александр Львович не был равнодушен к сыну, но отношения их с самого начала были крайне отчужденными. И это понятно. Посещая сына во время зимних и весенних университетских каникул, Александр Львович не мог чувствовать себя естественно и просто в семье Бекетовых. В свою очередь, будущий поэт, разумеется, не мог не воспринять того враждебного отношения, которое, несомненно, было у Бекетовых к Александру Львовичу. Предвзято с самого начала отношение к отцу у Блока со временем не только не было преодолено, но даже усилилось. Этому немало способствовал и трудный характер Александра Львовича. Письма убеждают в том, что отца интересует все, что касается сына, — его занятия, времяпрепровождение, здоровье (Ср. ниже — более ранние письма А. Л. Блока к родным — «Приложение» I).

Александр Львович делает усиленные (и бесплодные) попытки привлечь внимание сына к тому, что интересует его самого. Пока Блок учится на юридическом факультете, отец следит за его успехами, дает ему советы, посылает в помощь свои статьи и лекции (ср. письмо Блока от 26 сентября 1900 г.). Когда Блок переходит на историко-филологический, отец начинает интересоваться его литературной деятельностью. Благодарит за присланные ему стихи и одобряет их (письма от 28 июня и 2 октября 1902 г.), просит прислать еще (письма от 21 сентября 1902 г. и июля 1903 г.), не забывает поздравить с первыми выступлениями в печати (письмо от апреля 1903 г.), читает те альманахи и журналы, о которых сын упоминает в письмах. Александр Львович старается вникнуть в круг интересов и занятий сына, просит его писать и «о житейском». И однажды даже решается пригласить его погостить к себе в Варшаву (письмо от 14 ноября 1902 г.).

Блок-студент, сменив мать в переписке с отцом, относится к этому со всей свойственной ему серьезностью. В письмах он дает отчет Александру Львовичу об основных внешних событиях своей жизни. Но отец мало его интересует и продолжает оставаться чужим ему человеком. Это особенно ясно видно в его письмах к матери, где он упоминает об отце.

Г. П. Блок пишет об Александре Львовиче, что «он очень любил родственников и любовь эта была, по-видимому, какая-то принципиальная»¹⁹. Отцу очень хочется, чтобы сын сблизился с его родными. Он постоянно напоминает ему о них и настойчиво просит их посещать.

Блоку чужды родственники отца. Он любит по-настоящему только очень немногих самых близких ему родных. Широкие родственные связи ему органически враждебны. Об этом он пишет матери 1 октября 1906 г., заключая следующими словами: «Этого ужаса я избежал, я думаю, потому, что Александр Львович его исчерпал» (VIII, 162). Много

позже в обстоятельном письме к своей двоюродной по отцу сестре С. Н. Тутолминой от 16 января 1916 г. он повторяет ту же мысль и объясняет: «... Это происходит не от дурных моих чувств к тебе и всем вам, а от строя моей души, которого я не могу изменить» (VIII, 454). Отношения Блока с отцом заметно обострились с 1903 г. Послав сыну 1000 рублей и не получив от него приглашения на свадьбу, Александр Львович был очень задет. В сильном раздражении он написал сыну, по справедливому определению М. А. Бекетовой, «чрезвычайно язвительное и неприятное письмо». Блок переслал это письмо матери, сделал на нем пометки красным карандашом (письмо от 30 августа 1903 г.). Вероятно, по ее совету, он игнорировал оскорбительный тон отцовского письма и продолжал писать ему в прежнем духе, благодарить «за денежную поддержку» и посылать стихи.

Александр Львович не смягчился; в следующем своем письме он продолжал еще более язвительно высмеивать письма сына и присланные ему стихи. Блок ответил ему очень сдержанно и коротко, сославшись на занятость, поблагодарил за деньги и «за длинное и интересное письмо». В конце октября 1904 г. он послал отцу свой только что вышедший первый сборник, который вызвал новый взрыв возмущения у Александра Львовича.

Что же произошло? Почему Александр Львович, прежде внимательно следивший творческим путем сына, вдруг резко изменил свое отношение к его стихам и его первый сборник, в который, кстати, вошло и то, что ему раньше нравилось, сравнил с «бедламом»?

Вопрос этот сложный и требует специального изучения. Напомним только, что, по свидетельствам мемуаристов, Александр Львович, обладая тонким вкусом, любил и знал поэзию. Это подтверждает и М. А. Бекетова, недоумевая, почему отец поэта, сыграв такую большую роль в развитии личности своей первой жены и подготовив ее тем самым к духовному общению с сыном, сам к его стихам относился с холодной насмешкой. «Быть может, это был просто педагогический прием?» — сомневается она²⁰.

Г. П. Блок сообщает, что Александр Львович «стихи сына все знал. Особенно любил стихи о России»²¹. Последнее вполне понятно. В. Д. Измайльская в своей статье подробно осветила вопрос о совпадении взглядов на Россию А. Л. Блока в его книге «Политическая литература в России и о России» и поэта в его стихах о России. Она же первая обратила внимание на отрицательное отношение Александра Львовича к первому сборнику Блока в связи с его критическими замечаниями по поводу «рыцарей без страха и упрека», прославленных за непроизводительное служение «богу и даме»²².

Нельзя не учитывать и обиду Александра Львовича, получившего книгу сына и понявшего, что тот так и не прочел его труд, бывший, очевидно, среди тех статей и лекций, о которых Блок писал ему в письме от 26 сентября 1900 г.: «Не знаю, когда мне удастся прочесть все это».

Гипертрофированную обидчивость Александра Львовича подтверждает и замечание С. Герцог: «На одной из своих книг А. А. сделал надпись отцу: «Моему отцу по духу». Это «по духу» очень возмутило А. Л. и давало темы его многим комментариям. — Все-таки, говорил он нам, горько улыбаясь, не только же я по духу ему отец».

«Система откровенного высказыванья (даже беспощадного)...», которой Блок придавал такое большое значение (письмо к матери от 24 ноября 1908 г.), была, как видно, чужда Александру Львовичу, поэтому и отношения его с сыном запутались невероятно и даже на какое-то время прервались. В письме к матери от 25 января 1908 г. Блок пишет: «На днях было письмо от Ал. Львовича — декадентское; с какой-то иронией, как всегда, немножко жалкое, запутанное, предлагает, насколько можно понять, денег и обещает приехать на Пасхе. Просит возобновить сношения. Мне еще трудно ответить ему — все не соберусь». Блок, очевидно, так и не собрался ему ответить. А когда Александр Львович, приехав на пасхальные каникулы в Петербург, хотел встретиться с ним, Блок под благовидным предлогом (срочный вызов на совещание) постарался избежать этой встречи. «Господи, как с ним скучно и ничего нет общего» — жалуется он матери (письмо от 17 апреля 1908 г.).

Совсем по-иному Блок понял отца уже после его смерти, под влиянием похорон и того, что услышал и узнал об Александре Львовиче в Варшаве. Тогда он писал о нем матери: «Все свидетельствует о благородстве и высоте его духа, о каком-то необыкновенном одиночестве и исключительной крупности натуры» (письмо от 4 декабря 1909 г. — VIII, 298).

Значительность личности Александра Львовича была глубоко прочувствована поэтом. И не случайно в 1921 г. в речи «О назначении поэта» Блоком были сказаны многозначи-

тельные слова: «Сын может быть не похож на отца ни в чем, кроме одной тайной черты; но она-то и делает похожими отца и сына» (VI, 161).

Под сильным впечатлением событий, пережитых в Варшаве, им и была задумана поэма «Возмездие», в которой он хотел изобразить отца так, как писал об этом в 1911 г. Е. В. Спекторскому (см. в наст. томе письма Блока к Спекторскому).

Со временем замысел поэмы расширился, а факты действительности, преобразившись в художественном творчестве, подчинились его особым законам.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Е. В. Спекторский. Александр Львович Блок, государствовед и философ. Варшава, 1911.

² С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней), т. III. СПб., 1892, с. 397.

³ Там же.

⁴ Е. В. Спекторский. Указ. соч., с. 3—4.

⁵ Там же, с. 4.

⁶ В поэме «Возмездие» Блок упоминает, что Достоевский, обратив внимание на героя поэмы, находит в нем сходство с Байроном (III, 321). Можно предположить, что об этом раньше Блок слышал от своей бабушки Е. Г. Бекетовой, которая была знакома с писателем. М. А. Бекетова пишет, что на вечерах А. П. Филосовой Александр Львович встречался с Достоевским, «которого поразила наружность молодого человека. Как говорили тогда, Достоевский собирался изобразить его в одном из своих романов в качестве главного действующего лица» (М. А. Бекетова. Александр Блок. Биографический очерк. Л., «Academia», 1930, с. 25).

⁷ Е. В. Спекторский. Указ. соч., с. 7.

⁸ С. А. Венгеров. Указ. соч., с. 399.

⁹ В автобиографической записке А. Л. Блока говорится, что труд «Государственная власть в европейском обществе» встретил сначала «большие препятствия как в университетской (предварительной), так и в общей цензуре. . .» А. С. Венгеров. Указ. изд., с. 397.

Е. В. Спекторский пишет более определенно: первая книга А. Л. Блока — «Государственная власть в европейском обществе» — «была приговорена цензурой к сожжению, Не без труда удалось спасти ее от такой участи» (с. 4).

¹⁰ А. Блок. Государственная власть в европейском обществе. Взгляд на политическую теорию Лоренса Штейна и на французские политические порядки. СПб., 1880, с. 41.

¹¹ А. Л. Блок. Политическая литература в России и о России. Вступление в курс русского государственного права. Варшава, 1884, с. 44—46, 99, 100.

¹² В. Д. Измайльская. Проблема «Возмездия». — «О Блоке». Сб. под ред. Е. Ф. Никитиной. М., «Никитинские субботники». 1929, с. 69.

¹³ Е. В. Спекторский. Указ. соч., с. 73.

¹⁴ Там же, с. 8.

¹⁵ Г. Блок. Герои «Возмездия». — «Русский современник», 1924, № 3, с. 177.

¹⁶ В. Д. Измайльская. Указ. соч., с. 66.

¹⁷ Е. В. Спекторский. Указ. соч., с. 9—10.

¹⁸ М. А. Бекетова. Александр Блок и его мать. М., 1925, с. 123.

¹⁹ Г. Блок. Указ. соч., с. 175.

²⁰ М. А. Бекетова. Александр Блок. Биографический очерк. Л., «Academia», 1930, с. 80.

²¹ Г. Блок. Указ. соч., с. 177.

²² В. Д. Измайльская. Указ. соч., с. 85.

Милый мой Сашура,

от души поздравляю Тебя с наступающим днем рождения и желаю между прочим, чтобы это письмо, которое Ты получишь послезавтра вместе с другими поздравлениями, ничем не нарушило твоего обычного веселого настроения: о нем, а также о твоем недавнем нездоровьи, теперь миновавшем слава Богу, мне известно из писем твоей Мамы, которую поблагодари и от меня за разные по отношению к Тебе беспокойства. Присланные в нынешнем и в прошлом году твои стихотворения доставили мне большое удовольствие, как и частые известия о твоих добровольных склонностях к наукам и искусствам, ко-

торые «должны помочь тебе, мой сын», быть действительно свободным человеком.

Давно я не видался с Тобой, Сашура, и Ты, вероятно, совсем плохо меня помнишь. В декабре рассчитываю съездить на короткое время в Петербург и посмотреть на Тебя. Хотелось бы знать заранее, когда кончатся перед праздниками твои уроки в гимназии, чтобы мне не очень помешать Тебе к ним готовиться.

Итак — до скорого свидания — приблизительно через месяц, а может быть, и раньше или позже (если что-нибудь воспрепятствует). Пока целую Тебя крепко и остаюсь искренно любящим Тебя отцом.

Ал. Блок.

Варшава. 14 ноября 1892 г.

2

⟨Варшава, 12 ноября 1898 г.⟩

Благодарю за письменное поздравление¹ и сам хочу Тебя поздравить, милый Саша (и Сашура), с днем рождения, а заодно и с переходом в университет, желая всего больше доброго здоровья и дальнейших расширений умственного горизонта — как во времени, так и в пространстве: *это* может быть достигнуто особенно на первых курсах, где преподаются главным образом науки исторические и отчасти «философские».

О современном петербургском представителе последних я читал и слышал (от студентов) отзывы почти восторженные, на ряду с которыми не мог не придавать значения и твоему (по-видимому, беспристрастному), хотя Ты, вероятно, не без основания предпочитал «профессора, читающего дурно»², своему (вполне литературному) домашнему учителю — не отступив перед сравнительными трудностями (каковые с пользою преодолимы если не путем самообразования, то дополнительными лекциями Гессена³, Кареева⁴ или иными).

Радуясь твоим успехам артистическим⁵, а также — что бываешь чаще у моих родных⁶, от коих *a la longue* * получишь, между прочим, сведения и из древней или средневековой *моей* «истории» (отечественной в некотором роде): новой и новейшей я уже не излагаю на тысячеверстном с лишком расстоянии, да и былые «средние века» обыкновенно только резюмировал двумя-тремя стихами Пушкина; во избежание анахронизмов следовало бы давно переменить по крайней мере прежнее «грядущее» на *настоящее*, но в ожидании каких-нибудь «безумных лет» (пока лишь *будущих*) полезнее не портить вообще чужих стихов, а заниматься собственно «прозою», задерживающею и на праздниках меня в «волнуемой» (то Муравьевым, то Мицкевичем и проч.)⁷ Варшаве — несмотря на все желание с Тобой и с другими повидаться, что надеюсь, впрочем, выполнить не позже марта, когда будет *kiedy będzie* Пасха у католиков. — Надеюсь и на письменную откровенность [относительно твоих потребностей академических — etc.

Твой папа.

12 ноября 1898 г.

¹ Ответ на письмо Блока от 18 октября того же года (VIII, 7), в котором сын поздравляет отца с днем рождения и сообщает о некоторых событиях своей жизни.

² Речь идет о юристе, профессоре Петербургского университета Льве Иосифовиче *Петражицком* (1867—1931), авторе многочисленных печатных трудов. Блок писал отцу: «Единственный дурно читающий профессор — Петражицкий, который отвратительно говорит по-русски и сыпет иностранными терминами, не объясняя их, хотя следовало бы ему все-таки помнить, что мы — гимназисты 8-го класса и еще не привыкли к научному языку» (VIII, 7). На втором курсе Блок в значительной степени изменил свое отношение к проф. Петражицкому («Письма к родным», I, с. 56).

³ Владимир Матвеевич *Гессен* (1868—1920), юрист и политический деятель, профессор, преподававший в ряде высших учебных заведений Петербурга.

* со временем (*франц.*).

А. Л. БЛОК (СИДИТ, ВТОРОЙ СЛЕВА) В ГРУППЕ ГИМНАЗИСТОВ — ВЫПУСКНИКОВ
7 КЛАССА

Фотография, 1869 г., Новгород
Литературный музей, Москва

⁴ См. наст. том, кн. 2. Письма Блока к Е. В. Спекторскому.

⁵ Блок сообщал отцу, что участвовал в спектаклях, которые летом устраивали Менделеевы: «... Я очень много играл и имел даже некоторый успех» (VIII, 8).

⁶ «Теперь я довольно часто бываю у Качаловых (по субботам), где все со мной очень мило и любезно», — писал Блок (VIII, 7).

Ольга Львовна Качалова — родная сестра А. Л. Блока. В ее семье, по свидетельству М. А. Бекетовой, Блок стал бывать в первый год учения в университете. В это время он близко сошелся с двоюродными сестрами — Ольгой Николаевной и Софьей Николаевной Качаловыми. Воспоминания С. Н. Качаловой см. ниже.

⁷ 8 ноября 1898 г. в Вильне был открыт памятник М. Н. Муравьеву («Вешателю»). 12 декабря того же года состоялось открытие памятника Мицкевичу в Варшаве. Оба эти столь противоположные по своему общественно-политическому смыслу события широко освещались в печати.

3

«Варшава, 28 сентября 1899 г.»

Дорогой Сашура,

В письмах к Бабушке я только выразил надежду, что Тебя не затруднит ей сообщить о денежной потребности¹. Хотя до сих пор счет велся учебными годами, но легко перевести его и в настоящую «минуту» на гражданский год. Во всяком случае могу быть лишь доволен непосредственными сообщениями и за нынешний семестр послать (примерно) 250 рублей, из коих попросил бы перед Р. Х. передать с 15 Бабушке — на свойственные ей обычные домашние подарки от меня; сочтись с Тобою в следующем полугодии, когда б <ыть> м <ожет>, и опять приеду в П <етер>бург (на Пасхе или раньше). Если соберешься до тех пор писать мне, то полезно было бы осведомить и о т <ак> н <азываемых> «практических занятиях» — особ <енно> по госуд <арствен- ному> праву, издавна отбившему меня от разных, в частности почтовых «прак-

тик», требующих утреннего времени и даже соотв^{етствующего} «настроения». Благодарю и Твою Маму за известия. Желаю всего лучшего и остаюсь душевно преданным отцом.

С прогулки мог бы Ты когда-нибудь зайти (во избежание «односторонности») и к Гардерам²: они всегда интересуются учебными, а также театральными делами, да и родственниками всех возрастов, с которыми там встретиться. Здесь «тягостный ярем до гроба все влекут», но «гонят лени сон угрюмый»³ и т. д.

28 сентября 1899 г.

Письмо на трех отрезных купонах денежного перевода (250 р.).

¹ Речь идет об Ариадне Александровне Блок, матери А. Л. Блока, жившей в семье Качаловых. 20 сентября 1899 г. Блок писал отцу: «Бабушка передала мне о Вашем желании получить от меня письмо в том случае, если мне понадобятся деньги» («Письма к родным» I, с. 46). Далее он сообщает о необходимых расходах и обращается с просьбой дослать 50 р. к тем 350 р., которые в текущем году он уже получил. «Вы посылаете мне 400 рублей в год. . .» — пишет он. После цифры 400 А. Л. Блок поставил в письме сына вопросительный знак и послал ему еще 250 р. (см.: «Письма к родным» I, с. 46 и с. 314).

² Гардеры — семья родной сестры Льва Александровича Блока — Ольги (1829—1901), вышедшей замуж за Михаила Михайловича Гардера.

³ Цитаты из стихотворения Пушкина «Деревня».

4

«Варшава, 22 апреля 1901 г.»

Дорогой Сашура,

Вероятно, твоя Мама написала мне (как обещала) на Страстной неделе о визите к доктору, предполагавшемся 26 марта; но все праздники мои прошли в напрасном ожидании известий. Вот уже т. н. (по христ. календарю) «Неделя о расслабленном»¹ — у нас еще лекционная; за нею начинается пора экзаменов, имеющая продолжаться до 9 июня. Зная, что «моя наука (да и всякая другая) не поможет» (без особенной поддержки), все-таки интересуюсь, между прочим, действием (хотя изолированным) иных «рецептов», посланных как в прошлом, так и в нынешнем году — Тебе и завтрашней (твоей же) имениннице, которую прошу поздравить от меня с днем ангела². В XX веке не было пока ни слова от Тебя ко мне.

Твой папа.

22 апреля 1901 г. Варшава.

Занимаясь философией в перемежку с родственными посещениями, Ты едва ли думаешь (как многие), что петербургские учебные «события» немедленно приобретают всероссийскую известность³: например, мои фактические сведения ограничиваются (почти) печатаемым в «Новом времени» и относящимся скорее к старым временам — не очень также «добрым».

¹ Четвертая неделя после Пасхи. Пасха в 1901 г. приходилась на 1 апреля.

² 23 апреля — именины матери Блока — Александры Андреевны.

³ Очевидно, до Александра Львовича дошли слухи об избении студенческой демонстрации на Казанской площади 4 марта, и он интересуется подробностями и тем, как это событие отразилось на жизни университета. В ответном письме от 2 мая 1901 г. Блок сообщает: «Что касается подробностей учебных волнений, то я знаю о них также большей частью по газетам (самое точное?). Частные же слухи до такой степени путаны, сбивчивы и неправдивы, а настроение мое (в основании) так отвлеченно и противно всяким страстям толпы, — что я едва ли могу сообщить Вам что-нибудь неизвестное» (VIII, 15).

5

«Варшава, 8 октября 1901 г.»

Милый мой Сашура,

Мысль, теперь осуществленная Тобой, посещала и меня не раз за нынешнее лето: собирался написать Тебе о примирении «деятельности» с «созерцательностью» — в смысле перемены факультета «хлебного» (или служебного) на

более литературный (и педагогический) ¹; однако не хотел «смущать» на случай уже состоявшегося умиротворения в обратном направлении: так можно было заключить из Маминого сообщения о «новой (твоей) ясности» пред наступлением последнего учебного периода и из твоих стихов о «светлой темноте» по крайней мере одного предмета, изучаемого петербургскими юристами на III курсе (в мое время — на II-м). «И тут есть боги» — как сказал когда-то Аристотель, занимаясь даже «внутренностями» животных ²; но, конечно, «Сотворивый мир открыт» — не говоря о «чувстве» — преимущественно «в разуме» и в «лире», почему от всей души приветствую Тебя на этом, в сущности, и «самом легком» (т. е. благодарном — при талантах) поприще научного труда, к Нему (который «шлет свои дары») ³ нас приближающем, хотя еще и не приравниваемом, в чем убеждает даже «Мефистофель» — несмотря на традиционное свое «eritis sicut Deus» ⁴.

До свидания зимою в П<етер>бурге. Поздравляю с буд<ущим> гражд<анским> совершеннолетием.

Твой папа.

Посылаю всего 300 руб.

8 октября 1901 г. См. P. S

P. S. К счастью, и моя ученая «мораль», по-видимому, для Тебя излишня.

Письмо на трех отрезных купонах денежного перевода (300 р.).

¹ В письме от 29 сентября 1901 г. (VIII, 24—25) Блок сообщает отцу о «важной перемене» в своей жизни — переходе с юридического на историко-филологический факультет университета, подробно обосновывает причину. В заключение он пишет: «Мама очень поддерживает меня в моих начинаниях. Хотел бы знать, что думаете об этом Вы?» (VIII, 25).

² Выражение, видимо, приписано Аристотелю, так как соответствует его мировоззрению, в частности, как автора работ по зоологии. В ответном письме от 16 октября Блок деликатно поправляет отца, цитируя по-гречески слова о том же самом, принадлежащие (на этот раз достоверно) Фалесу Милетскому (VIII, 26).

³ Слова из стихотворения Блока «Моей матери» («Чем больней душе мятежной», 8 марта 1901 г. Впервые было напечатано в литературно-художественном сборнике «Стихотворения студентов С.-Петербургского университета», 1903).

⁴ Слова эти Мефистофель вписывает в книжку студента, размышляющего о выборе факультета, в «Фаусте», ч. I, сцена 4.

6

«Варшава, 28 июня 1902 г.»

Очень Тебе благодарен, милый мой Сашура, за полученные «характерные» стихи и извещение о переходе в следующий курс ¹, где можно еще год подумать о дальнейшей специализации, не исключаяющей (а даже обуславливающей своим усиленным «анализом» возможность новых) философских обобщений — в частности, при помощи общения «с товарищи» по факультету или с «Философским» Обществом С-П<етер>бургским». Самая несчастная из всех та внутренняя «специальность», что сосредотачивает человека на одном лице — своем или чужом, чем нарушается общественное «равновесие», к «ото»>рое (поскольку и оно — не непосредственное> проявление, а только производное, несовершенное творение благого божества) за это воздаст жестоко «отмщение», едва ли открывая «молодому Вертеру» «иные дали»: ведь ему пришлось бы дальше созерцать «прекрасное созвездие Б. Медв<еди>цы» ² — «когда б он знал» (хотя бы из латинского Томазия), что избавляется в «уединении» от посторонней «глупости», но наживает собственную — «более опасную» ³.

Конечно Ты и без меня (да и без Д. С. Мережковского) отлично понимаешь Гете, у которого «как в первый день прекрасны — alle seine hohen Werke»; отчего бы и не подражать ему (способному уравновешивать каких-нибудь терзающих «вакханок» Еврипидовых с истерзанными соловьевскими «чертями») в объективном юморе (уже эпистолярном)? Впрочем, я не столько задаю головоломные вопросы, сколько «отвечаю» (скромно) по-французски:

cela viendra un jour peut-être*, Твоей Маме прежде удавалось более комическое, вообще эпическое; «юмора» — житейского, быть может, и литературного — не лишены и «Блоки» — при хорошей пище и благоприятной почве для него (не чуждого твоим же детским сочинениям) ⁴.

Не знаю, побывал ли Ты перед отъездом у моих родных: они могли узнать при случае, не нужно ли Тебе поехать на море для поправления здоровья и для развлечения, но ничего не пишут — даже где они теперь находятся. Надеюсь, что Ты сам (или при Маминою посредстве) мне доставишь лишний и удобный повод быть полезным изданию — до отлагаемого по различным обстоятельствам свидания «зимою в П<етер>бурге», где и фетовское «небо» прекращает летом всякий «задушевный зов» ⁵. Однако при свободном выборе меня привлек бы не татарский юг, а финский север, соответствующий и твоей потребности в «obscurité de ciel serene» (скрывающей, по мнению Гюго, вселенские потемки близостью к одной «звезде»). Со временем поедешь, вероятно, за границу, где, «уравновесив» мало сознанные франко-русские симпатии, практически займешься и немецким языком, завоевавшим себе гегемонию во всех филологич. науках. В виде иллюстрации пересылаю два письма парижских — моего ученика и бывшего сотрудника в «практических» занятиях» Е. В. Спекторского; прошу их возвратить мне в П<етер>бурге. Принимают ли посылки или переводы денежные на Подсолнечной?

Твой папа.

¹ Посылая отцу стихотворение «Когда святого забвения», май 1902 г. (впервые — «Новый путь», 1903, № 3), Блок пишет в письме от 4 июня 1902 г.: «Прилагаю одно из характерных стихотворений» («Письма к родным», I, с. 76). В этом же письме он говорит, что затрудняется еще пока в выборе отделения для специализации, и как о важном событии своей жизни сообщает о знакомстве с Мережковским.

² О «прекрасном созвездии Большой Медведицы» вспоминает Вертер в предсмертном письме к Лотте (Гете. «Страдания юного Вертера»).

³ О каком изречении немецкого юриста и философа Христиана Томазия (1655—1728) идет речь, установить не удалось.

⁴ По-видимому, имеются в виду юмористические стихи Блока, которые тот сочинял для рукописного журнала «Вестник».

...alle seine hohen Werke — все его высокие творения (нем.)
...cela viendra un jour peut-être — это, быть может, когда-нибудь случится (франц.)

mutatis mutandi — соответственно изменяя (лат.)

⁵ Из стихотворения Фета: «Измучен жизнью, коварством надежды...»: «И только в небе, как зов задушевный, // Сверкают звезд золотые ресницы».

7

«Варшава, 21 сентября 1902 г.»

Писать нет времени — при всем желании иметь известия или стихи.

21
19 IX 02

Написано на трех отрезных купонах денежного перевода (300 р.).

8

«Варшава, 2 октября 1902 г.»

Дорогой Сашура! Относительно часов — не сделаешь ли Ты еще одну попытку радикально обновить их механизм у добросовестного мастера, с за-

* P. S. По-немецки же рискну цитатую (mutatis mutandi):

«Перевод:

«...Vom Vater hab'ich die Statur,
Des Lebens ernstes Führen;
Vom Mütterchen — die Frohnatur,
Die Lust zu fabulieren». — G o e t h e.

«...От отца у меня внешность
И серьезное отношение к жизни;
От матери — жизнерадостность
И страсть к сочинительству». —
Г е т е (нем.)»

меня истершихся колес, камней и проч.? Издержку я *охотно* принимаю на свой счет но *не* стесняю предоставленного Тебе права полного распоряжения.

Благодарю за объективное письмо и за удачные стихи ¹ — особенно *Екклесиаста*, многое «исследовавшего», а «заповеди (ибо «в этом все для человека») соблюдавшего» (гл. 12) ².

Твой папа

2 октября 1902 г.

¹ Блок в письме от 26 сентября 1902 г. просит у отца разрешения обменять подаренные ему золотые часы с придачей к ним испорченных своих — «на какие-нибудь хорошие часы». Блок посылает отцу три своих стихотворения, «еще не предназначенных» для напечатания в «Новом пути»: «Золотистую долиной», «Экклесиаст», «Свет в окошке шатался» («Письма к родным», I, с. 80).

² Ссылка на конец 12-й гл. книги «Екклесиаста» из «Ветхого завета», где сказано: «...Бойся бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека...»

9

«Варшава, 14 ноября 1902 г.»

Милый мой Сашура! *Поздравляю* Тебя с днем рождения — прося прислать мне (заказною бандеролью и не позже первых чисел декабря) курс логики Введенского, а также (если есть и не нужна теперь, то) «Логик» Минто ¹. При *лучшей* обстановке (к сожалению — не в ней лишь дело) для «досуга» было бы довольно натурально, если бы и Ты когда-нибудь приехал погостить ко мне. Что «Новый путь» и проч.? ²

Во избежание чрезмерной «отвлеченности» (благодаря которой мы с Тобю пропустили *даже* годовое философское собрание 22 октября ³) пиши мне иногда и о родных. Не знаю — получил ли Ты мою записку (до приезда) о часах (о коих на словах меня опять спросил) и о стихах (жалею, что не удалось прочесть других из рукописи)? Адрес Ангелиночки ⁴: Изм <айловский> просп <ект>, д. 9, кв. 30 (попроси ее прочесть «Мой садик» ⁵ — и т. п.).

Твой папа.

14 ноября 1902 г.

¹ Отвечая на просьбу отца прислать книги, Блок писал 29 ноября 1902 г.: «Посылаю Вам логику Минто, которую получил недавно в виде приложения к раммовскому «Самобразованию» <...> а логику Введенского в университете не нашел, моя же мне очень теперь нужна и в очень тяжелом переплете, что несколько затруднило бы пересылку» (VIII, 47).

² В том же письме: «В первом № «Нового пути» мои стихи помещены не будут, но позже, говорят, непременно». (VIII, 47). Стихи Блока были впервые напечатаны в № 3 журнала «Новый путь» за 1903 г. под названием: «Из посвящений».

³ О годовом философском собрании 22 октября Блок знал, о чем он и сообщил отцу (VIII, 48).

⁴ Ангелина Александровна Блок (1892—1918) — дочь Александра Львовича от второго брака с Марией Тимофеевной Беляевой (1876—1922).

⁵ Стихотворение А. Н. Плещеева «Мой садик» стало особенно популярным после того, как П. И. Чайковский в 1883 г. написал на этот текст музыку.

10

«Варшава», 19 ноября 1902 г.

Дорогой Сашура! Будучи довольно редким посетителем, не *пожелаешь* ли поздравить тетю Александру Николаевну ¹ с днем рождения — 22 ноября? (Баскова улица, № 8 — вблизи Бассейной). Вечером там встретишь, *вероятно*, и других родных. Во избежание чрезмерной «отвлеченности» (благодаря к «ото»рой мы с Тобю пропустили *даже* годовое философское собрание 22 октября) пиши мне *иногда* и о делах житейских. Адрес *Ангелиночки*: Изм <айловский> просп <ект>, д. 9, кв. 30, ворота с площади Соборной, вход налево, звонить крепче. В праздники бывают у нее кузены из кадетиков и реалистов.

или же ее увозят в Царское Село — к двоюродной сестре; застать всего удобнее по будням — в 3 часа (обедают в 5^{1/2}).

Твой папа.

Что за «философ» Вознесенский? ² и т. д.

¹ Александра Николаевна Блок — жена Петра Львовича Блока, брата А. Л. Блока.

² В письме от 29 ноября 1902 г., которое является ответом на оба письма Александра Львовича (от 14 и 19 ноября), Блок пишет: «Относительно философа Вознесенского — я знаю только, что он ученик Александра Введенского и, как говорят, находится у него «под башмаком». Введенский вообще большой деспот» (VIII, 48).

11

Апрель 1903 г.

Во истину воскрес!

Дорогой Сашура,

1. Посылаю (переводом в отделение «Варшавского» коммерческого банка — где-то на Морской или на Невском: справиться в любой «конторе»; не мешает захватить с собою, кроме «чека», вид на жительство — в придачу к карточке визитной и т. п.) 1000 руб. — на предстоящую необходимую поездку за границу и на свадьбу, побуждающую *от души* желать Тебе с невестою возможно полного благополучия.

2. В виду того, что иногда «портрет еще простить» бывает ближним людям легче, нежели — «аренду» ¹, прилагаю также (для хранения) одну старинную работу многоуважаемого Д. И. Менделеева — «тех дней, когда любви светило (и) над нами ласково всходило» ² (впрочем, даже тут «мой горизонт затмило», ибо, очевидно, «не блеснул луч солнца для меня!») ³.

3. Благодарю за сделанные сообщения (в числе их — за Минто) и буду ожидать дальнейших — о ближайших надобностях (в русском, как и в польском смысле слова, не всегда входящего в «размер» по ударению). . .

4. Поздравляю (в данном случае нарушив оный) с первыми печатными трудами, за которые пока был привлечен к ответственности лишь одним директором гимназии (он оказался, в противоположность «старому учителю» у Гейне, чуть не «другом Клеопатры», мало озабоченной «карьерными» своих сподвижников из римлян): университет, предусмотрительно выписывая всякие журналы с октября на следующий год, еще не получает «Нового пути», который, кажется, ведет и к нашей Ангелиночке, читающей теперь ветхозаветного «Давида Коперфильда» — в перемежку с римско-католическими «Крестоносцами» Сенкевича, навязанными неким «юным» петербургским органом ⁴ — должно быть, на погибель государственным заветам обновляемого (?) ныне вовсе не в религиозных общих интересах (тех же узковатых духом разношерцев) православия; отсюда «оживленный» интерес и к *миллой* «философии» — в ущерб науке. . .

5. Эти и другие мои мнения, основанные на научном и житейском опыте — конечно, не неограниченном, нуждаются в самостоятельно-доброжелательной проверке, разумеется, мне очень интересной, несмотря на поглощенность спешными делами.

6. С 21 апреля у меня экзамены; на лето остаюсь в Варшаве.

Твой отец Ал. Блок.

¹ Перефразированные строки из «Баллады о камергере Деларю» А. К. Толстого: «Портрет еще простить убийца может, // Аренду ж — нет».

² Измененная цитата из стихотворения Н. А. Некрасова «Прости».

³ Слова из романа А. Варламова «Мне жаль тебя» на слова неизвестного автора. В романе: «Но туча черная мой горизонт затмила, // И не блеснет луч солнца надо мной!»

⁴ Имеется в виду петербургский ежесемичный литературно-научный и политический журнал «Северный вестник». В 1897 г. с № 2 в нем начал печататься исторический роман Г. Сенкевича «Крестоносцы» в пер. с польского Нат. Арабажиной.

«Варшава, июль 1903 г.»

Дорогой Сашура! Ты «из заграницы (разобцающей с мирами)»¹ спрашиваешь о «возможности расчета на получку»² (к будущей весне) такой же суммы (как писала мама); Мама же меня просила о единовременной «субсидии» Тебе в 500 р «рублей» и «с к р о м н о м» увеличении следующей (я к о б ы «п о с л е д н е й», что не подтверждается Тобою)* годовой. Согласно с выраженным думаю, что будет необходимо, при казенном помещении и «некоторой общей кассе», ежегодно получать по 600 (как в доме у Бекетовых). Просящему могу давать и более — желая быть действительно полезным ближнему, к чему направлены и свойственные мне (не менее, чем Маме или «бедным, трудно уловимым» Мережковским³) «рассуждения».

Твоя женитьба так обставлена, что избавляет от необходимости «заботиться о нуждах низкой жизни»⁴, о текущей и грядущей «злобе дня»: «какой простор»⁵ для «вольного искусства» или «беспредельного змеинового познания»⁶ (цитирую ** Тебя «рядом» если не с евангелистами, то с Пушкиным и Репиным)! *** Однако, в силу роковой наследственности от различных (в том числе и «бедных») «Генрихов» (не — Гейне)⁷, Ты стремишься к независимости материальной (вероятно, и от материнской помощи), — нуждаешься в «Освобождении, торчащем из карманов»⁸, будто бы основывающем (по Марксу) и моральное. . . 4* Такая *αυταρξια*^{5*} (или *μεγαλοφυχια*^{6*}), каковую противопоставил «кроткой» Богородице Казанской петербургский *pan Zielinski*⁹ приложима (до определенной степени) и к многоспытному в ней от юности родителю, которого Ты признаешь настолько посторонним человеком, что, указывая день венчания (когда-то бывший днем рождения Ек «атерины» А «ндреевны»¹⁰ и моего покойного отца, Тебя крестившего¹¹), не только не «зовешь» (подобно «звездам» фетовским)¹² в деревню, а его «родных не хочешь знать» (по «Горю от ума» в невиннейшей редакции, «оправдывающей» сие у «химика» или «ботаника» отсутствием^{7*} досуга для «бродяжнических снов»)¹³, но также не уведомляешь о *здоровье матери* (небезразличном для меня по старой памяти — тем более, что сам я, как известно сделалось моим родным, все Рождество лежал больным^{8*}) и о своих *экзаменах*, о коих не «снести» ли мне официально с университетом, очевидно^{9*} склонным охранять и при потере документов запоздалые «права семейственные»¹⁴? Ведь о них (не о правах, а об экзаменах) пока не пропе-

* Здесь и далее слова, выделенные разрядкой, подчеркнуты Блоком красным карандашом.

** Блок поставил здесь вопросительный знак красным карандашом.

*** Над словом «Репин» Блок поставил восклицательный знак красным карандашом.

4* Последние две строки отчеркнуты на полях красным карандашом и поставлен вопросительный знак.

5* Блок поставил звездочку и в конце страницы дал перевод с греческого: «Самодовление».

6* Блок поставил две звездочки и дал перевод: «Величие души».

7* После слова «фетовским» Блок поставил восклицательный знак, а слева около последних двух строк — вопросительный и восклицательный знаки красным карандашом.

8* «Сноска автора»

Последний (старомодный) стих

Вполне понятен был для них,

Когда, узнав о том чрез денщика Ивана,

Их известила добрая племянница Марианна¹⁵

(рифма небогатая и даже не «крылатая» — как «книга» и «воркующая птица», несогласные между собою, к счастью, лишь в «согласных» буквах и притом без «ударений», игнорируемых «надвислянским» силлабическим размером в согласении «панявских» слов с какою-нибудь «рьяною Марьянною»). «Все примечание отчеркнуто Блоком на полях слева красным карандашом. Сверху поставлен вопросительный знак, снизу: NB .>

8* Последние две строки отчеркнуты Блоком на левом поле и поставлены два вопросительных знака красным карандашом.

чатал «Новый путь», который, кстати, «по дороге» на Москву из западных краев ведет не «в Петербург», а — заодно с окатоличенными самозванцами — через Варшаву, где и Вам случилось прежде останавливаться (*rei familiaris me, more scholarium ignaro* *); впрочем, обладая столь же «серо-желтою» бумагою ¹⁶, я «выясняю денежный вопрос» не хуже «Клеопатры» ** (предыдущего письма) — с тяжелым чувством, но с надеждою приобрести по крайней мере *фотографию* «Царевны» ¹⁷, что*** «замолит числа» пишимою везде одними маленькими буквами «царицы» и, пожалуй, разрешит по-божески иные «синие (студенческие или офицерские) загадки»; напиши при случае *фамилию* (девическую) ее матушки ¹⁸, к *кто*рой я совсем не знаю, но предполагаю, что и у нее должно быть «на лице — все тихо» ¹⁹.

Политическими «происками» занимаются у нас не «министерства» и «иерархия» ²⁰, а многочисленные «разноверцы», извлекающие (*Dei gratia et hominum stultitia*) ** немало барышей из оградившей их таможняи от них же русской государственности — не прощая ей ее основ духовных, обещающих «веселие» (не в польском смысле слова) «мученикам» ²¹: так поется при «ликующем Исаии», тогда как слишком обесцениваемые «ищущим» (не «голубинного», а несколько поверхностного) смысла» критиком ^{5*} «еврейские поверья» учат «одождать народы» — с тем, чтобы «господствовать» над ними (по «Второзаконию»); об этом я уже писал (для собственного назидания) по «*пунктам*», терпеливо ждущим от Тебя ответов (если можно — с дополнительными «*отписками*» ²²). Вообще я очень благодарен и за то немногое, что Ты мне сообщаешь о себе и прочем — не настаивая на немедленной отписке, выбивающей меня из колеи (не в пользу «адресата») ^{6*}.

Остаюсь Твоим доброжелательным отцом

Ал. Блок.

Переменяю квартиру: в том же доме (Koszykowa, 29) — № 6.

Варшава — июль 1903 г.

Полученная карточка (с Твоим письмом) ²³ почти не облегчила «зол», к *кто*рыми не вовремя «душа моя наполнилась» (по песнопению из панихиды): очернив «золотокудную» невесту (без «заставки» ^{7*} — ибо, как свидетельствует «отвратительная» матрица церковная, не «неневестную»), она у «торжествующего» жениха обеливает не «житейские дела и подвиги» ²⁴, а разве лишь «одежды (или «перья»), недостойные Подруги» ²⁵ (чем в мундирный ^{8*} век немудрено «приблизить к аду свою жизнь» супружескую). Несмотря на то, я собираюсь «полюбить Вас черненькими» — ради ^{9*} фантастических еще внучат, способных (по тому же похоронному напеву) «проливать ко Господу молитву» и за мертвого — когда им после смерти «возвестят (его) печали». Так как Ты, «не чувствуя конца», считаешь только будущую свадьбу «непреложным (но не неотложным) фактом», то спешу, начав «за упокой», кончать «во здравие»: да процветет Твоя семейная ^{10*} «лампадка» ²⁶ — как эмблема «мудрой кротости» (внутренняя «на небесах горящими паникадилами» ²⁷ Вл. Соловьева),

* тогда как я, по обычаю ученых, ничего не знал о «собственных?» семейных делах (*лат.*).

** Над словом «Клеопатры» Блок поставил вопросительный знак красным карандашом.

*** Т. е. фотография (прим. Блока).

4* Милостью божией и глупостью человеческой (*лат.*).

5* Сверху написано Блоком: Буренин.

6* После скобки Блоком поставлен вопросительный знак.

7* Над словом «заставки» Блок поставил вопросительный знак.

8* Около двух последних строк на полях слева Блок поставил вопросительный знак.

9* Около этой строки слева Блок поставил вопросительный и восклицательный знаки.

10* Около двух последних строк Блок поставил восклицательный знак.

а не «ложной * мудрости»²⁸, против которой (олицетворяемой, в отличие от пушкинской — «вакхической», «морозным солнцем») ²⁹ Ты заранее запасся «посохом из дуба!» К «ласковому шопоту», идущему от «вьюги», присоединится и сестрица Ангелина.

Август (месяц, а не император римский): и смиренный «символизм» ** мой обращается скорее к «нищему», блуждающему «ради Бога» (в ожидании небесного блаженства), нежели к «приветному царевичу» Твоих стихов, которому пришлось бы «воздавать (и) кесарево кесарю»³⁰ (читающему уже четверть века государственное право древним скифам и особенно сарматам — при значителном проценте «вечных» иудеев), — т. е. например на брачном «пиршестве» (где «с нашей стороны» «избранных» будет более, чем «званных») ³¹ выпить, между прочим, за его здоровье, сильно пошатнувшееся ныне — после легочного воспаления и инфлюэнцы.

Судя по почерку, письмо писалось в два приема. Оно является ответом на письма Блока — от 24 апреля из Петербурга, от 25 июня (8 июля из Bad Nauheim'a и 28 июля из Шахматова («Письма к родным», I, с. 84—89). Отдельные фразы и слова из писем и стихов Блока, которые приводит Александр Львович, в контексте его письма получают язвительный, а иногда даже тонко-издевательский смысл. В письме к матери от 30 августа 1903 г. Блок писал: «Посылаю тебе до *последней* степени отвратительное письмо Ал. Льв., прочти его несколько раз. Я «снабдил» его примечаниями. Тут же и адрес. Не знаю, писать ли тебе ему, не лучше ли подождать, пока ты приедешь, и мы напишем вместе (от меня). Я совершенно твердо уверен, что это письмо отца меня оправдывает в том, что его не было на свадьбе. Некоторых мест повять нельзя, а некоторые я тебе объясню, если ты не поймешь» («Письма к родным», I, с. 91).

¹ В письме из Bad Nauheim'a Блок писал: «Здесь за границей чувствуется крайняя разобщенность со всеми мирами» («Письма к родным», I, с. 87).

² Блок просил сообщить ему, на какую денежную поддержку от отца он может рассчитывать в дальнейшем: «Могу ли я рассчитывать на следующую получку такой же суммы (как писала Вам мама) будущей весной?» — спрашивает он. — «Я прошу Вас выяснить мне денежный вопрос, между прочим и потому, что некоторые траты будущей зимы уже известны, например, надо будет вносить некоторую сумму «в общую кассу», потому что семейные средства иначе невелики» («Письма к родным», I, с. 86, 87).

Позже, в письме от 2 октября («Письма к родным», I, с. 94) он объясняет: «В моих расчетах с Вами было, очевидно, какое-то недоразумение, мама думает, что это она напутала. Извините за эту ошибку».

Под «казенным помещением» Александр Львович разумеет квартиру отчима Блока — Ф. Ф. Кублицкого-Пиотух: офицерский корпус казарм лейб-гвардии Гренадерского полка. Блок жил здесь с 1889 (с женой с 1903) по 1906 год.

³ Здесь имеется в виду то место в письме Блока из Bad Nauheim'a, где он пишет о том, что Э. Н. Гиппиус не сочувствует его свадьбе, находя в ней «дисгармонию» со стихами. «Для меня это несколько странно, потому что трудно уловить совершенно рассудочные теории, которые Мережковские неукоснительно проводят в жизнь, даже до отрицания реальности двух непреложных фактов: свадьбы и стихов (точно который-нибудь из них не реален!). Главное порицание высказывается мне за то, что я будто бы «не чувствую конца», что ясно вытекает (по их мнению) из моих жизненных обстоятельств» («Письма к родным», I, с. 86—87).

⁴ Цитирует слова Моцарта (А. С. Пушкин. «Моцарт и Сальери»):

... никто б не стал
Заботиться о нуждах низкой жизни;
Все предались бы вольному искусству.

⁵ Картина И. Е. Репина (1844—1930) «Какой простор!» Впервые экспонировалась на XXXI выставке Товарищества передвижных художественных выставок в 1903 г.

⁶ Из письма Блока от 29 ноября 1902 г.: «У многих в душе «холодный белый день», и я часто ощущаю его — и беспредельность своего личного «змеино-го» познания» (VIII, 48). Ср. стих. Вл. Соловьева «В тумане утреннем неверными шагами. . .» (VIII, 562).

* Над словом «ложной» Блок поставил вопросительный знак.

** Около этой строки слева и справа на полях поставлены вопросительные и восклицательный знаки.

⁷ В письме от 4 апреля 1903 г. Блок сообщал отцу, что по поводу его стихов, напечатанных в журнале «Новый путь», — «Кратко выругалась газета «Знамя» на ту тему, что почти «Генрих Блок». . .» («Письма к родным», I, с. 83). Может быть, в словах о «бедном Генрихе» содержится намек на популярную в те годы пьесу Г. Гауптмана.

⁸ Из *Bad Nauheim*'а Блок пишет: «В витринах привлекают внимание запрещенные издания («. . .) Очень много толстовских книг, из некоторых карманов торчат «Освобождение» («Письма к родным», I, с. 87).

⁹ «Автаркия» и «мегалопсихия» — основные понятия античной этической философии, обсуждавшиеся Ф. Ф. Зелинским в статье «Древнее христианство и римская философия» («Вопросы философии. . .», 1903, № 1). В тексте письма над фамилией Зелинского Блок красным карандашом пометил: «профессор».

¹⁰ Екатерина Андреевна *Краснова*, урожденная Бекетова (1855—1892) — тетка Блока, поэтесса и переводчица.

¹¹ Лев Александрович *Блок* — дед поэта. Блок был крещен в церкви при Петербургском университете 28 декабря 1880 г. Восприемниками были Лев Александрович Блок и Елизавета Григорьевна Бекетова (Ленинградский государственный исторический архив, ф. 19, оп. 125, ед. хр. 338, Метрическая книга). Слова «. . . и моего покойного отца, Тебя крестившего», Блок подчеркнул и на полях слева поставил вопросительный знак красным карандашом.

¹² См. п. 6, прим. 5.

¹³ Блок в письме к отцу от 29 ноября 1902 г. (VIII, 47 — 48) пишет: «Чувствую потребность и ожидаю скорого вдохновенного стихотворения или даже прозаического эссе — экскурса в область мистицизма, который, оправдываясь ходом моих житейских «подвигов и дел», тем самым оправдывает и мои «бродажнические сны» хотя бы в области наук».

¹⁴ Речь идет о просьбе Блока (телеграмме от 20 мая 1903 г.) срочно выслать ему разрешение на брак, которое требует попечитель, а также о сетованиях (письма из *Bad Nauheim*'а и из Шахматова) по поводу того, что университетская канцелярия потеряла его метрическое свидетельство.

В письме от 2 октября 1903 г. Блок напоминает отцу, что о своих экзаменах он ему писал сам. «Меня удивило Ваше замечание о моих экзаменах, и я не вполне понимаю, зачем Вам «сноситься» по этому поводу с университетом. Ведь я писал Вам весной и летом о результатах экзаменов, которые не затруднили моего перевода на III-ий курс (а следовательно и на IV-ый, потому что теперь курсы уже не разделены) («Письма к родным», I, с. 95).

¹⁵ Марьяна Петровна — дочь брата А. Л. Блока.

¹⁶ Письмо написано на желтой бумаге.

¹⁷ Л. Д. Блок (ср. стихотворение «Царица смотрела заставки. . .» 14 декабря 1902 г.).

¹⁸ «Вы спрашиваете о девической фамилии Анны Ивановны Менделеевой. Она рожденная Попова» — отвечает Блок в письме от 2 октября 1903 г. («Письма к родным», I, с. 96).

¹⁹ Ср. в стихотворении «Блока: «Все тихо на светлом лице» (19 марта 1903 г.).

Стихотворение послано в письме от 24 апреля 1903 г. В первоначальной редакции было: «Все тихо у Ней на лице».

²⁰ В письме из *Bad Nauheim*'а Блок пишет отцу, что «Новый путь» «чуть не прикрыли из-за происков иерархии обеих столиц и министра в «утренних» дел» («Письма к родным», I, с. 87).

²¹ В словах «веселие» (не в польском смысле слова) «мученикам» содержится намек на то, что по-польски слово «wesele» значит «свадьба». Далее слово «голубиное» из стих. «Царица смотрела заставки. . .».

²² В письме от 4 апреля 1903 г. Блок сообщает отцу: «Стихи мои напечатаны в мартовской книжке «Нового пути» в количестве десяти. Ждал, чтобы послать Вам, отгисков, которые мне обещали, но пока еще не дали» («Письма к родным», I, с. 83).

²³ Речь идет о письме Блока от 28 июля 1903 г., в котором он пишет: «Посылаю Вам, наконец, нашу фотографическую карточку. Она вышла плохо, слишком темно» («Письма к родным», II, с. 88). «Золотокудрую», «Заставки», «Перья» — слова из стихотворения «Царица смотрела заставки. . .».

²⁴ См. прим. 13.

²⁵ Слова «Одежды. . . недостойные подруги» — из стихотворения Блока «Я вырезал посох из дуба. . .» (25 марта 1903 г.), которое было послано отцу в письме 24 апреля 1903 г.

²⁶ «Лампадка» — слово из стихотворения Блока «Царица смотрела заставки. . .».

²⁷ Из стихотворения Вл. Соловьева «На небесах горят паникадила. . .».

²⁸ Слова из «Вакхической песни» Пушкина.

²⁹ Слова из стихотворения Блока «Я вырезал посох из дуба. . .».

³⁰ «Отдавайте кесарево кесарю, а божие богу» (Евангелие от Матфея, 22, 21).

³¹ Ответ на следующие сообщения, содержащиеся в письме Блока от 28 июля 1903 г.: «На свадьбе будут очень немногие, мы посылаем даже не приглашения, а извещения». «С нашей стороны будут, кроме мамы, отчима. . .» (Далее Блок перечисляет остальных) «Из церкви мы поедем прямо в Боблово, а оттуда после соответственных пиршеств — на жел. дор.» («Письма к родным», II, с. 88 и 89). Александр Львович по-своему использует изречение из Евангелия: «. . . ибо много званных, а мало избранных» (Евангелие от Матфея, 20, 16).

А. Л. БЛОК И А. А. БЛОК
Фотография Р. Бейера, 1878 г., Петербург
Литературный музей, Москва

13

«Варшава, январь—февраль 1904 г.»

Милый мой (так требует «размер» и слов, и чувств) Сашура!

Поздравляю Тебя с новым годом; также твою Маму и Супругу, с пожеланием здоровья. От души благодарю за письма. Относительно профессоров и «мистики» могу откликнуться пока одним евангельским стихом: «Non omnes capiunt (размер нарушен далее; он соблюдается на этом месте лишь в «словенском» (тексте) *verbum istud*) * — и стихами из пролога к *Фаусту* (неправильно переводимыми):

* Не все понимают это слово (лат.).

*Der Herr: . . . Von allen Geistern, die verneinen,
Ist mir der Schalk am wenigsten zur Last.
Der Menschen Thätigkeit kann allzuleicht
erschaffen.
Er liebt sich bald die unbedingte Ruh;
Drum geb'ich gern ihm den Gesellen zu,
Der reist und wirkt, und muss, als Teufel,
schaffen *,*

что относится, быть может, и к «непроходимым (ex cathedra **) сальностям».

В «классической Вальпургиевой ночи» оба *Грифа*¹ (не умеющие «Zeus zu amüsieren» ***) утверждают, что «der Garstige gehöret nicht hierher»^{4*}. и вот — мне кажется (вполне изолированно), что Ты напрасно порождаешь лишние («бесовские») недоумения своим абсентеизмом в отношении к отнюдь не демоническим родным — особенно в столь «близком» новом здании электротехники, вмещающем не олимпийских, но, конечно, и не адских громовержцев (интересный материал для дальних писем, для дальнейшего житейского самообразования, пожалуй, и для далеко хватающего вдохновения — по части русского «земного духа»); на ноябрьском погребении несчастного двоюродного брата (моряка из Порт-Артура и Владивостока)² мог бы разом повидать и Олю (из корейского Сеула)³ и Марианну (из готовящейся «вновь отбунтовать» Варшавы). В первых числах января был «дядя Ваня» — вице-губернатор в Кишиневе⁴ (где, согласно утверждению и Брюсова, жил Пушкин): у него уже две дочери — замужние (одна венчалась в сарафане с молодым помещиком в косой рубашке — близ Уфы; другая производит православное потомство «на Wolyniu» — впрочем, не от «смешанного» брака — с пожилым военным); и «едва (во цвете лет) увидевший свет»⁵ Никса⁶ напратиковался на Урале (о к^ото^ром помышлял и Д. И. Менделеев)⁷.

Ангелиночка все там же: выдержала корь и навивает помаленьку истинное *просвещение* (одна из женских ныне привилегий); а «в одну любовь (широкую, как море) мы сольемся (кажется не) вскоре»⁸.

Собирался в Петербург зимою и весною, но придется, *вероятно*, отложить до осени; теперь изнемогаю от борьбы с предубежденною безграмотностью польской типографии и со своими неразборчивыми (вследствие *моей* разборчивости) манускриптами⁹. Желал бы знать заблаговременно дни Вашего отъезда и приезда¹⁰, а равно другие данные, препятствующие или содействующие свободному обмену мыслей. Было бы недурно Тебе встретиться с ученым переводчиком Шекспира — А. Л. Соколовским¹¹: он — двоюродный племянник моей матери (имевшей также общее, еще сибирское родство с Феозвою Ник^{итичной} Менделеевою)¹²; я встречал его лишь в детстве.

Нынешнее наше стихотворство (не «участвующее» в небрежно-прозаическом «неведении» возводимой даже в средний род «грамматики», к которой относилось у Тебя «последнее») — полезная или «приятная» (совсем

* Эти слова господина, обращенные к Мефистофелю в «Прологе на небе» из «Фауста» Гете, приводим в переводе Б. Л. Пастернака:

. . . Из духов отрицанья ты всех мене
Бывал мне в тягость, плут и весельчак,
Из лени человек впадает в спячку.
Ступай, расшевели его застой,
Вертись пред ним, томи и беспокой,
И раздражай его своей горячкой.

(Гете. «Фауст». М., ГИХЛ, 1960, с. 51)

** с кафедры (лат.), т. е. во всеуслышание. Ср. слова Мефистофеля о Вагнере «С вершины кафедры он объявляет // Всему, что было раньше, пересмотр» (там же, с. 343).

*** Забавлять Зевса (нем.).

** Мерзавец здесь совсем не ко двору («Фауст», указ. изд., с. 365).

Себоринъ Северина вилу
 А. Л. БЛОКЪ. Смоликовскому

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

отъ А. Л. Блока

ВЪ РОССІИ И О РОССІИ.

ВСТУПЛЕНІЕ ВЪ КУРСЪ РУССКАГО ГОСУДАРСТВЕННАГО ПРАВА.

Въ надеждѣ славы и добра,
 Галю впередъ я безъ боязни . . .

Пушкинъ.

ВАРШАВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ НОСКОВСКАГО
 Мазовецка Н. 11.

1884.

А. Л. БЛОК. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ РОССІИ И О РОССІИ

Вступленіе в курс русскаго государственнаго права

Варшава, 1884

С дарственной надписью автора С. С. Смоликовскому

Музей истории Ленинграда, Ленинград

не как «итог» и не для трудно *обелимой* «жалкой» репутации экзаменаторской) журнальная макулатура будущей утонченной поэзии (с «science conquise» посредством «chanson grise»: *Verlaine*, цитируемый *тонически* — без или с? «е muet»): в нем много смелых музыкальных оборотов сжатой речи (главная — «avant toute chose» — заслуга символистки), и мало еще (при достаточной отточенности) *точного* «значительного (соответственно обширному диапазону звуков) содержания». Сошлюсь для подкрепления на замечание «Антоня (кто он — кстати?) *Крайнего*» в июньской книжке «Нового пути» (стр. 230) по адресу милейшего «Андрея Белого»¹³, по-видимому, очень «обожжающего» (к счастью, *псевдонимно*) — своего почтеннейшего (не *заклеванного* — по-французски) математика — отца: «сентябрь (121 — 2)¹⁴. Твой «юбилейный» *Кант* «сидит за ширмой»¹⁵ (там же и — «окошко») в слишком *переносном* смысле (как приличествует разве только «свечке», да и той «не надо»), очевидно чересчур «влюбленно» охраняя собственную («сморщенную») кожу» — вместо «шкур» (по свидетельству Ка-

рамзина до старости *румяной*, словно у какой-то «строгой» к чертям «дочки») ¹⁶; а его показываемые в Дрездене довольно стоптанные башмаки («судя не свыше» ¹⁷ их) едва ли облекали «крохотные (например) в сравнении с Марией-Терезией, коей туфли — рядом) ножки»: общей *уменьшительности* тона лично я сочувствую. И «черный человечек» (увеличенный по новой корректуре *Грифа* ¹⁸: «приношу» за такую «благодарность») трогательно «плачет на дворе», к «хоту»рый «на заре» бывает заперт для всех «бегущих»: это не мешает «подходить рассвету» — из-за горизонта, но не «вместе с человеком» и не вверх (скорее вниз) по «лестнице», притом ведущей ведь к «вечерним фонарям» (не в «style moderne», а керосиновым): образчики придиричливой провинциальной критики; и проч. — *Se qu'il nous faut à nous* («по вечерам — по вечерам»), указано отчасти у Guyau: «L'art au point de vue sociologique» (русский перевод, 1891 г.) ¹⁹.

Молодости свойственна известная (напрасно порицаемая или одобряемая) «сумма» нерасчетливости, почему и «сум(м)очка» презренно — тленно — благо-родного бумажного добра, имеющая быть врученной «почтенному и одновременно «проклятому» (по Пушкину же) Соломону» ²⁰ (*Нейманну* — 500 р.: подчеркиваю автора приложенной) квитанции), способна пригодиться частью в предстоящем (не венецианском и, надеюсь, не «ломбардном» — затянувшимся раз навсегда при опоздании архиепископа Амвросия из Рима) «карнавале», по прошествии которого сжигается «il re dei pazzi» * и опять берутся за какое-нибудь «умное (в церковном или светском смысле) делание»; с этой, несколько ретроспективной (за отсутствием определенного «перспекта») точки зрения — «под старость лет», однако не (частица), заменяющая твой винительный падеж — *родительным*), «забыв святого» (ныне снова приуроченного к брэнной «плоти»), можно и «в конце письма поставить (carne!) vale» **

Любящий Тебя отец Ал. Блок

Варшава. 1904 г. Январь—февраль.

Уведоми, пожалуйста, о получении ²¹. Письмо (или «послание») мое, задержанное обстоятельствами времени, не согласуется уже ни с наступившим «мясопустом» ²², ни с японским «мясом пушечным»; подобно всем мертворождаемым творениям, оно (не мясо, а писание) авось когда-нибудь «воскреснув оживет» — во свете общей мировой «гармонии» (*sub specie aeternitatis*) ***, что «обелит» и чернила (прочитать их следует пораньше — пока черны или темносеры, как «гужурка», выражающая «мрак *вседневной* жизни».

¹ «Классическая Вальцургиева ночь» — сцена из второй части «Фауста» Гете. Персонажами этой сцены являются духи греческой мифологии, в том числе — грифы («первый гриф» и «второй гриф»), олицетворяющие темные стихийные силы.

² Речь идет о Николае Петровиче Блоке (1881—1903).

³ Ольга Николаевна *Качалова* (1879 — 1940) — двоюродная сестра Блока, в первом браке Штейн. Выдана замуж в 1901 г., жила в Сеуле, где ее муж был сотрудником посольства.

⁴ Иван Львович *Блок* (? — 1906) — дядя Блока, брат его отца.

⁵ Перефразированы слова арии Гремияна из оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин»: «... И юноше во цвете лет, едва увидевшему свет...».

⁶ Николай Николаевич *Качалов* (1883—1961) — двоюродный брат Блока, химик и технолог. Впоследствии — член-корреспондент Академии наук СССР, крупный ученый, организатор производства оптического стекла в СССР.

⁷ В 1899 г. Д. И. Менделеев возглавлял научную экспедицию на Урале по обследованию уральской металлургической промышленности и изучению минеральных богатств края. Результат работы экспедиции был изложен в обширном труде «Уральская железная промышленность в 1899 г.», изданном в 1900 г. под ред. Д. И. Менделеева.

* царь дураков (*итал.*) — карнавальное чучело.

** Каламбур: в цитату из «Евгения Онегина» вставлено «carne», что буквально значит «(плотью) будь здоров» и складывается в слово «карнавал».

*** С точки зрения вечности (*лат.*).

⁸ Перефразированы слова из стихотворения А. К. Толстого «Слеза дрожит в твоём ревнивом взоре. . .»: «В одну любовь мы все сольемся вскоре, // В одну любовь, широкую, как море. . .»

⁹ А. Л. Блок имеет в виду пространные программы своих лекций по курсу государственного права, которые печатались в «Варшавских университетских известиях».

¹⁰ В письме от 30 декабря 1903 г. Блок сообщал отцу: «Весной, по всей вероятности, мы рано уедем в Шахматово. . .» («Письма к родным», I, с. 99). А. Л. Блок, видимо, интересовался точной датой отъезда сына в Шахматово и возвращения в Петербург.

¹¹ Александр Лукич Соколовский (1837 — 1915) окончил Александровский лицей в 1857 г. и занялся изучением и переводами Шекспира. Первый его перевод — «Король Генрих IV» (1860). Для предприятия Н. А. Некрасовым и Н. В. Гербелем собрания сочинений Шекспира перевел двенадцать пьес. В 1898 г. вышло полн. собр. соч. Шекспира в восьми томах в переводе и с комментариями А. Л. Соколовского.

¹² Феозва Никитична Менделеева (рожд. Лещева, 1826—1906) — первая жена Д. И. Менделеева.

¹³ В письме от 15 февраля 1904 г. Блок ответил: «Антон Крайний — сборный псевдоним, большею частью — m-me Гишпиус, изредка — Мережковский» («Письма к родным», I, с. 112). А. Л. Блок имел в виду статью Э. Гишпиус, подписанную этим псевдонимом, в разделе «Литературная хроника» («Новый путь», июнь 1903 г.) — «Два зверя», в которой автор, критически оценивая московских символистов, печатающихся в изданиях «Скорпиона» и «Грифа», между прочим, затрагивает и прозу Андрея Белого. Отдавая должное его таланту, автор статьи упрекает А. Белого в расплывчатости и бессодержательности.

¹⁴ Вероятно, указаны страницы журнала «Новый путь» 1903 г., в сентябрьском номере которого напечатана статья Андрея Белого «О теургии».

¹⁵ В письме от 30 декабря Блок послал отцу шесть стихотворений, в том числе — «Иммануил Кант (Сижу за ширмой)». В 1904 г. исполнилось сто лет со дня смерти Канта (1724 — 1804).

¹⁶ По-видимому, Александр Львович, говоря о румяной коже Канта, вспоминал описание встречи с немецким философом в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина: «Меня встретил маленький, худенький старичок, отменно белый и нежный» (Н. К. Карамзин. Избр. соч. в 2 томах, т. I. М., 1964, с. 100).

¹⁷ Намек на стихотворение Пушкина «Сапожник».

¹⁸ В письме от 30 декабря 1903 г. Блок послал отцу стихотворение «По городу бегал черный человек. . .» В альманахе «Гриф» (М., 1904) вместо уменьшительного «человечек» (ср. «Стихи о Прекрасной Даме». М., «Гриф», 1905) напечатано «человек».

¹⁹ Речь идет о книге французского философа и историка Ж. М. Гюйо «Искусство с точки зрения социологии» (СПб., 1891).

²⁰ Соломон — ростовщик, о котором с гневом говорит Альбер в «Скупом рыцаре» Пушкина.

²¹ В письме от 15 февраля 1904 г. Блок сообщал отцу: «Я получил деньги, благодарю Вас очень за них и за длинное и интересное письмо» («Письма к родным», I, с. 111).

²² Имеется в виду масленица («мясопуст»), начавшаяся в 1904 г. со 2 февраля.

14

Ноябрь 1904 г.

Поздравляю с древним зимним Праздником (Noël)! *.

Благодарю за присланную книгу

Со «стихами о Прекрасной Даме».

Но, смотря в нее¹, все «видят фигу»

И готовы чувствовать себя в Бедламе.

Мое (другой размер) «духовное родство»

Мне лично страха не внушает;

Скорее кровный смысл его

Для публики меня смущает. . .

— Напрасно, говорят мне, Вы

Еще даете деньги сыну:

Ведь он теперь, в виду молвы,

Богаче Вас на половину (?).

Профессорское имя — верный клад:

«Кривляню на распутьях»² — род

рекламы;

«Как летом вкусный лимонад»³,

Раскупят рыцари мудреной «Дамы»!

Не доверяя распродаже —

При репутации своей

(Довольно скромной, темной даже),

«Спешу» отправить — сто рублей.

¹ Конечно — в книгу, а не в «Даму», о которой «рыдать» приходится «на галерее дальней»⁴.

* Рождество (франц.).

[² Выражение народное, направленное, очевидно, против всякой эротической мистификации.

³ Из творений «Августа (когда и я бываю именинником) Бессвязного»: «вдвойне прозрачный псевдоним» ⁵.

⁴ Бессмертный стих «мурзы» Державина, воспевшего «Богopodobную Царевну (Всякой Всячины)» ⁶.

⁵ Умудряющей и здешний книжный магазин Карбасникова.

⁶ Чем — меньше «насмешу людей» (пословица).

«Примечания А. Л. Блока»

Письмо на отрезном купоне денежного перевода (100 р.).

¹ 29 октября 1904 г. Блок писал отцу: «Сегодня получил наконец свой первый сборник, который посылаю Вам» (VIII, 111).

² Цитата из стихотворения Блока «Я был весь в пестрых лоскутьях. . .» (апрель 1903 г.).

³ Цитата из оды Г. Р. Державина «Фелица».

⁴ Слова «рыдать» и «на галерею дальней» — из стихотворения Блока «Потемнели, поблекли залы. . .» (4 февраля 1903 г.).

⁵ Эпитет «бессвязный» навеян, по-видимому, стихотворением Блока «Я был весь в пестрых лоскутьях. . .».

⁶ Упоминаются образы оды «Фелицы» Державина и журнал Екатерины II «Всякая всячина».

15

«Варшава» 23 марта 1905 г.

Дорогой Сашура!

Посылаю Тебе деньги за «семестр»; надеюсь получить по поводу их относительно «подробный» (год тому назад обещанный) талантливый «ответ». На этих днях поехал в Петербург Евг. Вас. Спекторский — бывший ученик мой, а теперь доцент «энциклопедии» в Варшавском университете — и хотел быть, между прочим, у Тебя (отчасти по моей же инициативе). Чтобы избежать пустого и притом далекого визита, не уведомишь ли Ты его немедленно письмом: в какие дни или часы (по преимуществу вечерние) удобнее Вам познакомиться и побеседовать (без всяких специальных от меня инструкций); он пробудет только до 10 апреля, а остановился у двоюродного брата: Екатерининский проспект, д. 69, кв. № 11 (г. Сарандо).

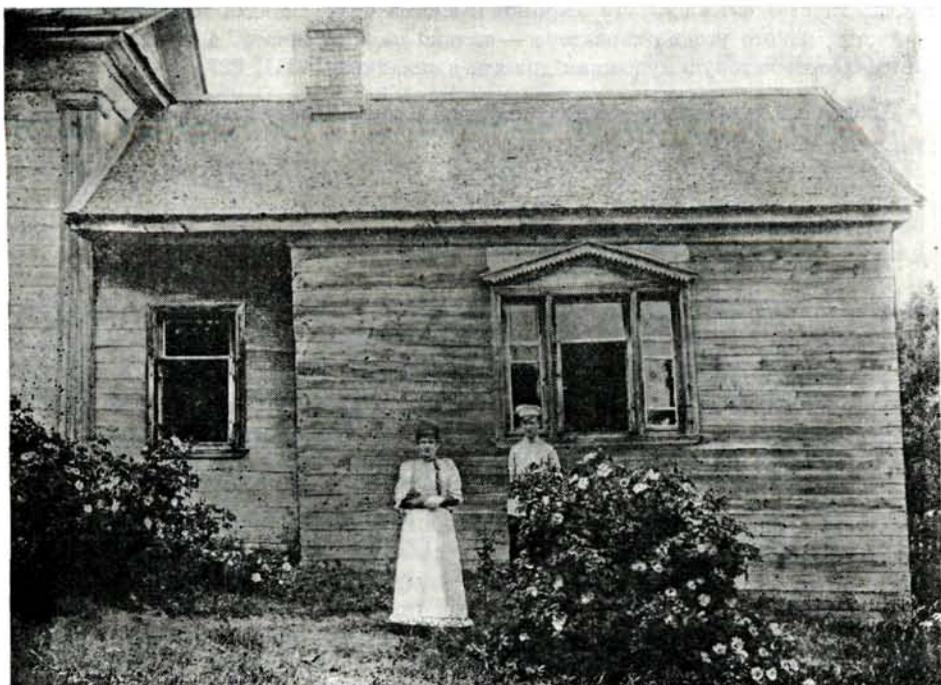
От него недалеко. . . но тут опять «стихи (о Несравненной Девочке)»:

В стихах напомню о сестренке —
 Что можно к ней доехать в конке:
 На Забалканский, дом 17-ть,
 Квартиры № 2+20 (в прозе=22).
 Она поет «вторым сопрано»,
 Играет же на фортепиано;
 Имеет «в среднем» балл 1-ть,
 А лет ей — скоро и 13-ть.

Передай мои заочные (до осени или зимы?) поклоны Маме и Любови Дмитриевне, о которой мне недавно написала кое-что приятное моя племянница — со слов ее Мамаши.

Твой отец Ал. Блок

Написано на двух отрезных купонах денежного перевода (300 р.).

БЛОК С МАТЕРЬЮ
 Фотография, 1894 г., Шахматово
 Литературный музей, Москва

16

«Варшава, январь 1908 г.»

Дорогой Сашура!

Исходя из твоего «духовного родства», я думаю, что в глубине души Ты мог бы быть еще спокойнее, а это отразилось бы полезно на здоровье * и на творчестве. Не обладаю «герметическими» качествами замкнутой «монады», но располагаю «акциденциями», соответствующими такой «субстанции», и предлагаю пользоваться ими больше. При моей теперешней неопытности буду ждать ближайших указаний от Тебя и для определения размеров помощи (три падежа «родительных!»), соединенной — как всегда — с отцовскою привязанностью; *вероятно* и с приездом в Петербург (на Пасху или раньше).

Твой Ал. Блок

Надеюсь, что Любовью Дмитриевною получено мое февральское письмо; во всяком случае прошу принять подобное же искреннее соболезнование — по случаю дня первой годовщины смерти Дм. Ив. Менделеева (опять пять тех же падежей — при недостатке поводов для «дательного», если не «випительного»): кончил, да и начал, впрочем, — «за упокоение» во имя *здравой* «русской красоты», рождаемой чрез самокритику.
 Январь 1908 г.

В письме к матери от 25 января 1908 г. Блок сообщал: «На днях было письмо от Ал. Львовича — декадентское; с какой-то иронией, как всегда, немножко жалкое, запутанное, предлагает, насколько можно понять, денег и обещает приехать на Пасхе. Просит возобновить сношения. Мне еще трудно ответить ему — все не соберусь» («Письма к родным», I, с. 191). 30 января того же года Блок продолжал: «Последнее письмо отца

* Очень исхудалый у Тебя вид — в «Сером Волке»¹.

свидетельствует о его набитости задними мыслями отвлеченного, теоретического, филологического, какого угодно характера — только не жизненного. А в жизни еще очень много сочности, которую художник должен воплотить» (VIII, 227).

¹ Александр Львович имеет в виду парж на Блока, помещенный в сатирическом журнале «Серый волк», 1907 г., № 23 (декабрь).

17

«Варшава, 31 мая 1908 г.»

Дорогой Сашура,

Напиши пожалуйста, что знаешь (*характеристического*) о В. М. Грибовском¹, кажется желающим быть приглашенным в нашу «almam (?) matrem»; если можешь — сообщи мне его адрес, но не выдавай ему моих («дипломатических») вопросов. В первых числах июня я опять увижусь с проезжающим в Берлин Е. В. Спекторским.

Ангелиночка окончила свои экзамены и около 4 числа переселяется на дачу; временно живет теперь (и принимает посетителей) в квартире деда — Кирочная 23 (угол Знаменской), кв<артира> отст<авного> ген<ерала> Т. М. Беляева; читала все твои «лирические» драмы и сама стихотворит. Что Оля Штейн?²

Твой Ал. Блок.

Письмо на отрезном купоне денежного перевода (200 р.). Является ответом на письмо Блока отцу от 24 мая 1908 г. с просьбой выслать ему рублей 200: «Милый папа, вот теперь я обращаюсь к Вам с очень большой просьбой о деньгах: меня внезапно надули разные плательщики (г. Рябушинский и театр Коммиссаржевской), водят за нос вот уже с месяц, и я не могу выехать из Петербурга, а меня ждут в Шахматове около 1 июня» («Письма к родным», I, с. 212).

¹ Вячеслав Михайлович *Грибовский* (1867—?) — юрист, профессор Петербургского университета. Знал Блока с детства, готовил его в гимназию. Позже Блок слушал его лекции на юридическом факультете университета.

² Двоюродная сестра Блока. См. п. 13, прим. 3.

БЛОК В ПЕРЕПИСКЕ БЛОКОВ И КАЧАЛОВЫХ

Публикация М. Б. Пл у х а н о в о й

Отец поэта, Александр Львович Блок, профессор государственного права в Варшавском университете, 30 лет прожил в Варшаве, лишь изредка наезжая в Петербург. Он виделся с сыном значительно реже, чем хотел и мог. Все попытки Александра Львовича участвовать в воспитании сына, оказывать на него серьезное благотворное влияние, разбудить сыновние чувства и пр., кончились неудачей. Как свидетельствуют письма, дневники и сочинения поэта, отец тяготил его уже одним фактом своего одинокого и странного существования.

Образ отца в сознании Блока, роль отца в поэтической судьбе Блока описывались многими биографами поэта и всеми исследователями поэмы «Возмездие»¹. Естественно, что материалы другого порядка, отражавшие роль сына в жизни отца, т. е. личные бумаги Александра Львовича, вызвали значительно меньший интерес. Как университетский профессор и ученый Александр Львович имел своих биографов². Но все они (за исключением Спекторского)³ не касались его семейной драмы и не обращались к его архиву.

Исследования рукописных документов, связанных с А. Л. Блоком, могут оказаться полезными не только для комментария к «Возмездию», но и для пополнения фактических данных о поэте. Александр Львович был болезненно привязан к сыну и, пытаясь создать себе иллюзию общения, упорно изыскивал источники сведений о нем.

От варшавского архива Александра Львовича, в свое время, несомненно, обширного сохранилась небольшая часть. На запрос о судьбе бумаг профессора Блока в Польше польский блоковед Адам Галис любезно сообщил нам следующее: никаких рукописных материалов, касающихся профессора Блока, даже личного дела его в Варшаве нет. Предполагается, что документы эти были утрачены еще в период эвакуации Варшавского университета в 1915—1921 гг.

В ноябре 1909 г., после похорон Александра Львовича, наследники — сын Александр Александрович и брат Петр Львович — разобрали вещи и документы, оставшиеся в его квартире на Кошиковой. Среди всего прочего они обнаружили пачки писем за многие годы (А. Л. Блок не выбрасывал ничего из своих бумаг). Семейную переписку и другие материалы семейного характера увез с собой А. А. Блок. Перед отъездом из Варшавы он писал матери: «Я приеду к тебе в Ревель на Рождество и буду рассказывать много интересных вещей, а также привезу тебе грудку твоих писем, карточек, часть платья и несколько вещей»⁴.

«Груды писем» — это, видимо, те «отчеты», о существовании которых сообщала М. А. Бекетова⁵. Подчиняясь настойчивому требованию Александра Львовича, Александра Андреевна почти ежемесячно отправляла в Варшаву описания жизни Саши Блока. Будучи отделены от других варшавских документов, «отчеты» погибли — скорее всего в шахматовском пожаре. Среди бумаг А. А. Кублицкой-Пиотух сохранилось лишь несколько ответных писем Александра Львовича к ней за те же (1887—1894) годы. Именно эти письма Александра Львовича М. А. Бекетова считала сгоревшими в Шахматове⁶. Возможно, она ошиблась, приписав письмам Александра Львовича к жене судьбу писем жены к Александру Львовичу.

Мы публикуем отрывки из этих писем Александра Львовича. Они содержат в себе немного биографических сведений о самом Блоке, но обладают бесспорной ценностью, как комментарий к «Возмездию» и как средство прояснить некоторые психологические и творческие моменты в жизни поэта, связанные с Александром Львовичем Блоком.

Сам по себе стиль Александра Львовича освещает его облик ярче и точнее, чем мнения и воспоминания современников. Литературный стиль отца Блок считал главным проявлением его личности⁷. Для языка писем Александра Львовича,

*Минувшей ночью Александру Львовичу
Блоку*
25 октября 1894 г.
Варшаве

Платонъ Кулаковскій.

ИЛЛИРИЗМЪ.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

ПО ИСТОРИИ ХОРВАТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПЕРИОДА ВОЗРОЖДЕНИЯ.

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОБЩЕСТВА.
Королевская ул. № 13.

1894

П. КУЛАКОВСКИЙ. ИЛЛИРИЗМЪ. ВАРШАВА, 1894

С дарственной надписью автора А. Л. Блоку
от 25 октября 1894 г.

Собрание А. Е. Парниса, Москва

ность во всей полноте вызываемых ими ассоциаций. Александр Львович Блок рассчитывал обогатить литературный стиль возможностями музыкальной композиции. В результате такого синтеза он надеялся, вероятно, обрести в речи ту свободу и точность самовыражения, которой обладал как выдающийся музыкант-импровизатор.

Сохранившиеся разрозненные отрывки семейной переписки позволяют проследить изменения личности Александра Львовича, так как в целом охватывают почти всю его жизнь. В блоковском фонде ИРЛИ хранятся детские письма А. Л. Блока к отцу по-русски и по-французски — свидетельства школьного усердия, юношеские письма к матери из заграничного путешествия, живые и многословные, но с постоянным оттенком сарказма, драматические письма к женщине, письма к матери о втором браке с М. Т. Беляевой, о рождении дочери, об университетских делах. Письма отцу и матери вернулись к Александру Львовичу в Варшаву после смерти матери в 1900 г. Местонахождение его писем к петербургским родным за 900-е годы не выяснено. Из материалов позднейшего периода отчасти известна только переписка Александра Львовича Блока с сыном-поэтом.

Ниже мы приводим только имеющие отношение к А. А. Блоку маленькие отрывки из писем Александра Львовича к матери — Ариадне Александровне Блок и большую часть текста писем Александра Львовича к Александре Андреевне.

Письма Александра Львовича к жене концентрируют в себе характерные особенности его эпистолярного стиля: изощренность, нервность, резкие перепады тона. А. Л. Блок пытается придать письмам интонационную выразительность, подчеркивая слова, расставляя многоточия, скобки, бесчисленные кавычки. Александр Львович заключает в кавычки собственные выражения, которые хочет выделить, фразы из писем жены к нему, словечки сына, а также закрепившиеся в семейном лексиконе Блоков за два года варшавской жизни прозаические цитаты, детские стишки и отдельные слова. Отсутствие писем

вообще очень изменчивого, в целом характерно отсутствие простоты, замысловатость, доходящая до странности, о чем свидетельствуют и публикуемые выше его письма к сыну. Даже к семейным письмам Александр Львович предъявлял экстраординарные требования и просиживал над ними целые вечера. Родственники просили его не тратить времени, писать проще и непосредственнее (см. ниже № 20). Им было трудно понять, что стилистические поиски Александра Львовича имеют целью как раз непосредственность и точность в передаче душевных движений и мыслей. Александр Львович Блок писал стихи, но стихотворные опыты его не сохранились. Предполагают⁸, что он сам уничтожил их. К концу жизни А. Л. Блок зашел в некий стилистический тупик. Любое писание требовало от него огромной затраты сил и времени. Он почти совершенно прекратил отвечать на письма родных. В так и не законченном своем сочинении последних лет — «Систематика наук» — он пытался реализовать принципы им самим изобретенной «музыкальной» прозы. Истинно совершенная фраза в такой прозе есть гармоническое целое, порожденное одновременным сосуществованием нескольких идей, сохраняющих самостоятель-

Александры Андреевны к мужу лишает нас возможности точно классифицировать все эти случаи.

Находящиеся ныне в ИРЛИ письма Александра Львовича к жене, судя по их содержанию, — далеко не все из адресованного им Александре Андреевне за это время (с 1887 по 1894 г.). Сохранившиеся письма хронологически делятся на две группы: до и после 1889 г., т. е. до и после официального расторжения брака Блоков. Из первой группы совершенно опускаем в публикации только одно — от 1 июля 1887 г. (содержание этого письма Александр Львович воспроизвел в следующем более подробно). Письма второй группы значительно менее примечательны, они обычно просто сопровождают собой денежные переводы. Поэтому из них приводим только одно — развернутый ответ Александра Львовича Блока на письмо Александры Андреевны о жизни сына, остальные (3 января 1890 г., 24 ноября 1890 г., 21 марта 1892 г.) не цитируем.

К середине 90-х годов переписка родителей Блока стала угасать. С 1895 г. Александр Львович начал переводить деньги для сына своей матери Ариадне Александровне Блок, желая таким образом сблизить его с блоковской и качаловской семьей. (Ариадна Александровна жила в семье своей дочери — Ольги Львовны Качаловой.) Теперь постоянные требования известий о сыне А. Л. Блок адресует своим петербургским родственникам. Блоки—Качаловы выполняли просьбы Александра Львовича со всем возможным старанием. Для этого они должны были добиться от А. А. Блока если не родственных чувств, то хотя бы визитов, соблюдения родственного этикета.

Письма Блоков — Качаловых, привезенные А. А. Блоком из Варшавы, характеризуют еще один круг общения поэта в годы его юности, круг, в котором он иногда с удовольствием, но чаще без вдохновения играл роль симпатичного родственника.

Петербургские родные Александра Львовича — Блоки и Качаловы — ко времени, на которое приходится переписка об А. А. Блоке, составляли одну весьма многочисленную семью⁹.

Дед поэта Лев Александрович Блок служил в пореформенные годы управляющим Казенной палатой в Новгороде. По службе он был связан с Николаем Александровичем Качаловым — председателем Губернской земской управы. Их семьи сблизились и одновременно дважды породнились. Ольга Львовна Блок (тетка поэта) вышла замуж за Николая Николаевича Качалова, а Петр Львович Блок (дядя поэта) женился на Александре Николаевне Качаловой. Дети тех и других были между собой родными по крови. Марианна, Николай, Георгий Блоки и Ольга, Софья, Николай, Лев, Кирилл, Мария Качаловы — все они двоюродные братья и сестры А. А. Блока.

Когда Н. А. Качалов был переведен в Петербург на должность начальника Департамента таможенных сборов, вместе с ним на должность вице-директора того же департамента был переведен Л. А. Блок. В Петербурге все Блоки и Качаловы поселились в одном доме около Биржи на стрелке Васильевского острова.

После смерти Л. А. Блока и Н. А. Качалова семьи разъехались, но продолжали поддерживать близкие родственные отношения.

Двое Блоков, уехавших из Петербурга, — Александр Львович, варшавский профессор, и Иван Львович, чиновник в южных провинциях, — не теряли родственных связей, так как часто приезжали навестить свою мать. Личные драмы их обоих (семейная жизнь Ивана Львовича тоже складывалась весьма неудачно) были для всех Блоков — Качаловых предметом постоянных волнений, тревог и разговоров. Впрочем, многочисленные несчастия, внутренние неурядицы имели место и в петербургской семье, особенно в период, на который приходится переписка о Саше Блоке. В этих условиях петербургские родственники Александра Львовича приобрели способность проявлять семейную заботливость, сострадание, не ожидая и не ища встречного сочувствия. Отсюда особый характер, успокаивающий, «психотерапевтический» тон их обычно безответных писем в Варшаву. Отсюда же упорство в проявлении родственных чувств к Саше Блоку, который, посещая их по необходимости, часто не умел и не хотел скрыть своего предубеждения.

Легче и проще всего отношения Блока с отцовскими родными складывались в период дружбы с Софьей и Ольгой Качаловыми — в 1898—1902 гг. Качаловы — родовитые дворяне и крупные государственные чиновники — вообще имели привычку к открытому и широкому образу жизни. К 1898 г. Н. Н. Качалов стал директором Электротехнического института, старшие дети Блоков—Качаловых достигли 17—20-летнего возраста и боль-

шая директорская квартира на Новоисаакиевской наполнилась молодежью. Атмосфера молодого праздничного веселья привлекла А. А. Блока. Он стал часто посещать Качаловых, сдружился с обеими кузинами, летом обменивался письмами с Ольгой (переписка их не сохранилась).

Но в 1900 г. в семье Качаловых умерли бабушка Ариадна Александровна Блок и мать — Ольга Львовна Качалова. Образ жизни кузин Блока совершенно переменялся. На них легли заботы по воспитанию младших братьев и сестер. Теперь Блок встречался с кузинами преимущественно в доме дяди, присяжного поверенного Петра Львовича Блока. Сюда Блок заходил редко, главным образом за деньгами, которые отец полтора года, после смерти бабушки и до его совершеннолетия, пересылал ему через Петра Львовича.

В 1902 г. вышла замуж и уехала за границу Ольга Качалова. Качаловы переселились в отдаленный район Петербурга на Аптекарский проспект, где достраивалось новое здание Электротехнического института. Интересы самого Блока менялись. Визиты к родным он делал все реже и к 1903 г. прекратил их совсем.

В 1916 г. Софья Николаевна Качалова-Тутолмина и А. А. Блок увиделись снова, но попытка Софьи Николаевны восстановить родственные связи встретила вежливый отпор со стороны Блока¹⁰.

История отношений Блока с кузинами отразилась в записках С. Н. Качаловой-Тутолминой, опубликованных в журнале «Литературный современник» (1936). Позднее Софья Николаевна составила новый вариант записок, расширив круг сведений о раннем периоде знакомства Блока с семьей Качаловых (1895—1903). В таком виде мемуары С. Н. Тутолминой-Качаловой являются естественным и необходимым комментарием к письмам Блоков—Качаловых в Варшаву за 90—900-е годы. Текст этих мемуаров, любезно предоставленный нам дочерью Софьи Николаевны — Натальей Николаевной Тутолминой, помещаем здесь в приложении к эпистолярным материалам.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ См., например: М. А. Бекетова. Александр Блок. Пб., 1922; Она же. Александр Блок и его мать. М., 1925; Г. П. Блок. Герои «Возмездия». — «Русский современник», 1924, № 3; В. А. Десницкий. Социально-психологические предпосылки творчества А. Блока. — В кн.: «Письма к родным», II; В. Д. Измайльская. Проблема «Возмездия». — В сб.: «О Блоке». Л., 1929; A. Galais. Osiemnascie dni Aleksandra Bloka w Warszawie. Warszawa, 1976.

² И. В. Березарк. Отец Александра Блока. — «Русская литература», 1977, № 3; Е. А. Боров. Воспоминания об А. Л. Блоке (в печати); Н. Дубровский. Официальная наука в Царстве Польском (Варшавский университет по личным воспоминаниям и впечатлениям). СПб., 1908; Е. Спекторский. Александр Львович Блок, государствовед и философ. Варшава, 1911.

³ Е. В. Спекторский. Поэт Блок и его отец. — «Српски књижевни гласник», № 38, 1933, 16 марта (на сербском языке).

⁴ «Письма к родным», I, с. 293.

⁵ М. А. Бекетова. Александр Блок, с. 47.

⁶ М. А. Бекетова. Александр Блок и его мать, с. 123; Она же. Александр Блок, с. 78.

⁷ См. автобиографию Блока 1915 г. (VII, 12).

⁸ Так сообщал профессор В. В. Есипов. Его воспоминания о А. Л. Блоке см. в ст.: И. В. Березарк. — Отец Александра Блока. — «Русская литература», 1977, № 3.

⁹ Все сведения о семьях Блоков и Качаловых, недостающие в печатных источниках (в записках Г. П. Блока и С. Н. Тутолминой), получены нами от Льва Николаевича Качалова — двоюродного брата А. А. Блока, от дочери С. Н. Качаловой-Тутолминой Натальи Николаевны и от дочери Марианны Петровны Блок-Киршбаум Марии Сергеевны.

¹⁰ В 1921 г. возникла некоторая близость между Блоком и двоюродным братом его — историком и литературоведом Г. П. Блоком (сыном Петра Львовича). Отношения эти были оборваны смертью поэта. Свои встречи и разговоры с Блоком Георгий Петрович описал в очерках «Герои «Возмездия» («Русский современник», 1924, № 3) и «Из семейных воспоминаний» («Александр Блок в воспоминаниях современников», т. I (в печати)).

1

ИЗ ПИСЬМА А. Л. БЛОКА
К АЛЕКСАНДРЕ АНДРЕЕВНЕ БЛОК¹.

18 июля 1887 г. Варшава

<...> Если Вы «никогда не собирались скрывать от ребенка, кто его отец», если «он это и теперь уже знает отлично», то почему же, например, мой мальчик, мой «добренький Сашура» (это его словечки, и я их никогда «не забуду», как он сам мне сказал о себе) должен был, следуя Вашему примеру и руководству, относиться ко мне хуже вообще, чем ко всякому постороннему? Почему меня даже о серьезных его болезнях² извещают только спустя целые месяцы, а о многом и совсем не извещают, несмотря на обещанные когда-то «подробные отчеты»? И т. п., и т. п.? Что касается моего по необходимости «странного слога», то он все-таки яснее, определеннее и, конечно, обдуманнее, а главное — сердечнее вообще, чем «гнушенная казенщина» Ваших спорадических ко мне «циркуляров» (под этим названием они известны отчасти и Вашим бывшим знакомым).

<...> Пришлите, пожалуйста, заодно какие-нибудь Сашины рисуночки, словечки, волоски, и т. д., и т. д. <...>

Ал. Блок

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, № 23.

¹ В 1887 г., в связи с предполагаемым вторым замужеством, Александра Андреевна начала дело о расторжении брака с А. Л. Блоком, которое завершилось официальным разводом 5 сентября (24 авг. н. ст.) 1889 г. 29 сентября 1889 г. Александра Андреевна вышла замуж за Ф. Ф. Кублицкого-Пиоттух. 30 июля 1890 г. А. Л. Блок женился на Марии Тимофеевне Беляевой (1876—1922), смолянке из дворянской офицерской семьи (о ней см.: Н. А. Павлович. Воспоминания об Александре Блоке. — «Прометей», 1977, № 11).

В середине 90-х годов Мария Тимофеевна оставила мужа и, забрав дочь Ангелину, навсегда уехала в Петербург.

² В ответ на этот упрек Александра Андреевна, видимо, написала, что, будучи в больнице на операции, не могла вовремя сообщить о болезни сына (см. начало письма № 2). Таким образом, единственная тяжелая детская болезнь Блока датируется весной 1887 г. Ср. у М. А. Бекетовой: «В этом же году (вскоре после первой поездки за границу, т. е. в 1885? — М. П.), ближе к весне Саша выдержал опасную болезнь (плеврит с экссудатом). Это время было особенно тяжело еще и потому, что Саша заболел в отсутствие матери, которая лежала в больнице, где ей делали операцию («Александр Блок и его мать», с. 25; о том же — «Александр Блок», с. 41).

2

ИЗ ПИСЬМА А. Л. БЛОКА АЛЕКСАНДРЕ АНДРЕЕВНЕ БЛОК

26 ноября 1887, Варшава

<...> Какую это Вам операцию делали?¹ и т. д. Что бы Вам, хоть в виду ожидаемого «французского счастья»² принять со мной «тон» по-добродушнее, а следовательно и пооткровеннее? Я ведь никогда не был и не буду «врагом» Вашим: в моем воображении, так часто заменяющим мне действительность, Вы остаетесь милую, поэтичную, смешную и бедную Асею, какою я преимущественно знал Вас... К этому присоединяется более смутный образ любящей, самоотверженной матери, которая бывает, впрочем, и мадонна и тигрица, — но даже «тигрицу» мне не хочется обижать, хотя с нею, как и с «мадонною», трудно быть просто «по-человечески» любезным... (помните «Une passion dans le désert» Бальзака?³)

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, № 23.

¹ См. п. 1, прим. 2.² Так Александр Львович называл намечающийся брак Александры Андреевны с Ф. Ф. Кублицким-Пиоттух.³ «Любовь в пустыне» — рассказ Бальзака (1830). Перевод этого рассказа был сделан позже А. А. Кублицкой-Пиоттух и напечатан в кн.: О. Бальзак. Собр. соч. в 20 томах, т. 12. СПб., 1898. В рассказе фигурирует не тигрица, а пантера.

ПИСЬМО А. Л. БЛОКА АЛЕКСАНДРЕ АНДРЕЕВНЕ БЛОК

10 апреля 1888 г. Варшава

Вы¹ ссылаетесь на какие-то будто бы «уже данные Вами обещания», но не решаетесь даже повторить их письменно. . . В последнем (втором) письме к А. Ф. Кублицкому² я еще раз изложил и подробно мотивировал свои весьма естественные «желания». От Вас зависит скорее «покончить начатое дело», не заставляйте меня «действовать помимо Вас» по вопросу о восстановлении моих прав. Впрочем — не тороплю Вас, тем более, что сам ужасно занят разными делами. Посылаю Вам пока 100 руб., а в течение мая месяца получите от меня еще сколько-нибудь.

Милая, хорошая ма(му)сенка! Тратьте Вы эти денюжки хоть на свои какие-нибудь маленькие потребности (в роде варшавских фиалочек и т. п.), но не балуйте уж так слишком нашего драгоценного Сашуру — себе на муку, а ему может > б<ыть> на погибель! Будьте зато чуточку добрее, поспоконхителнее к самому несчастному из Ваших поклонников, который право же немного у Вас просит.

Ал. Бл.

Напишите же «как Пасха деток веселит», как «скучно деткам в день ненастный»³ и т. п.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, № 23.

¹ Начало письма без обращения.² Адам Феликсович Кублицкий-Пиоттух (1855—1932), муж С. А. Бекетовой, брат Ф. Ф. Кублицкого-Пиоттух. С ним Александр Львович вел переговоры об условиях, на которых он со своей стороны готов был согласиться на развод. Свои условия А. Л. перечисляет в публикуемых здесь письмах к жене:

сын должен как следует познакомиться с отцом; Александра Андреевна или ее родственники должны периодически извещать отца о жизни сына; Александр Львович должен получить возможность регулярно навещать сына в Петербурге и, если сын не откажется сам, брать его с собой на короткое время.

³ Источник цитаты не установлен.

ИЗ ПИСЬМА А. Л. БЛОКА АЛЕКСАНДРЕ АНДРЕЕВНЕ БЛОК

11 августа 1888 г. Варшава

Александра Андреевна! Еще в июле мне было неожиданно предъявлен укор при здешней консистории — «о преподавании Александру Блоку тщательнейших пастырских увещаний о прекращении возникших между ним и женой его несогласий взаимным христианским примирением и неуклонным пребыванием в брачном союзе». Видя Ваше нежелание поступиться хоть чем-нибудь от своей маленькой «монополии» на нашего Сашуру,⁴ я дал такой *отзыв*, который должен был совершенно прекратить начатое зимое дело. . .¹ Но так как мне ужасен Ваш брак вообще, то я готов теперь, пользуясь знакомством священника, изменить сообразно с Вашими намерениями свой отзыв² (всего лучше будет, если Вы мне его продиктуете — поскорей!) — в надежде, что и Вы, наконец, согласитесь исполнить хоть некоторые мои просьбы (а впрочем — как Вам самой угодно. . . Вы уже в таком возрасте, которому доступна бывает и жалость. . . иногда даже на больших расстояниях или даже совершенно вчуже). М<ожет> б<ыть>, Вы исполните хоть то малое, о чем я просил еще весной, если теперь стану просить у Вас большего (на всякий случай)?

Милая, хорошая, самая лучшая мамуся! Вы давно доказали свою способность к полному самоотвержению из-за сына (оно тем выше, что Вы, как будто, даже отрицаете это!), — докажите же еще, что можете действо-

вать вполне самостоятельно (как иногда утверждали?) Приезжайте с Сашурой осенью в Варшаву³: я Вас устрою, если хотите, совершенно отдельно от себя, со всеми удобствами — можете взять с собой няню и еще кого-нибудь. *Здесь* Вы будете более, чем где-нибудь, независимы и — *у себя дома*. . . Наша старая Варшава в последние годы сильно изменилась к лучшему: 1) в значительной степени «обрусела», 2) очистилась, обмылась, обасфальтировалась и т. п. К лету поедете, конечно, опять в деревню (или куда знаете: хоть в Париж на выставку), — но «от осени ненастной — до весны веселой, красной — много месяцев пройдет»⁴, в течение которых мне, *м<ожет> б<ыть>*, удастся *спокойно* переговорить с Вами о том, что накопилось за восемь лет, а также о разводе: ведь и для него нужно некоторое «взаимное христианское примирение»! Оно еще нужнее для Вашего добренького (в сущности) Сашуры, которому притом несколько варшавских «месяцев» принесут только пользу, ибо помогут сосредоточиться — хотя бы на привязанности к своей идеальной («лучше ее нет на свете!») мамусеньке. . . Завидую ему и Вам, потому что мне не на ком вообще «сосредоточиться» (а на своих мыслях вредно), не с кем даже говорить «по душе», — давно уж и «побранить меня некому», вообще скверно. . . < . . >

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, № 23.

¹ Дело о разводе.

² Александра Андреевна не ответила на это письмо, и Александр Львович самостоятельно изменил отзыв.

³ Александра Андреевна в Варшаву не ездила.

⁴ Источник цитаты не установлен.

5

ИЗ ПИСЬМА А. Л. БЛОКА АЛЕКСАНДРЕ АНДРЕЕВНЕ БЛОК

21 сентября 1888 г. Варшава

Александра Андреевна,

С будущего года я имею право получать здесь пособие (по 100 руб.) на воспитание сына, а с 13 лет по 180 руб. < . . >

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, № 22.

6

ИЗ ПИСЬМА А. Л. БЛОКА АЛЕКСАНДРЕ АНДРЕЕВНЕ БЛОК

15 ноября 1888 г. Варшава

< . . > Предупреждаю Вас, что я теперь еще менее, чем когда-нибудь, склонен выносить терпеливо всякие проявления надо мной бекетовской либеральной спеси и вооруженной трусости¹. Довольно с меня одних консисторских и трактирных петербургских раздражений! < . . >

ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, № 23.

¹ А. Л. собирается приехать в Петербург к середине декабря и в этом письме требует подготовить сына к свиданию с ним. Сведениями о том, состоялась ли эта поездка, мы не располагаем.

7

ИЗ ПИСЬМА А. Л. БЛОКА АРИАДНЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ БЛОК¹

16 августа 1890. Петербург

< . . > Кроме того, я съездил на пустую теперь квартиру своего сына в казармах² и поговорил с денщиком³ — его постоянным собеседником, спутником и слушателем его чтения < . . >

ИРЛИ, ф. 654, оп. 6, № 1.

¹ Ариадна Александровна Блок (1832—1900) — дочь псковского губернатора Черкасова, вышла замуж за чиновника особых поручений при губернаторе Льва Александровича Блока (1823—1883). После смерти мужа жила с семьей дочери своей Ольги Львовны Качаловой. С 1895 г. — по приезде в Петербург — Ариадна Александровна искала сближения с обоими детьми Александра Львовича, внуками своими Сашей и Ангелиной. Сашу она могла принимать только у себя, так как с семьей Бекетовых и Кублицких-Пиоттух связей не поддерживала. С М. Т. Беляевой Ариадна Александровна установила дружеские отношения и старалась свести маленькую Ангелину со своими младшими внуками. Саша Блок регулярно навещал бабушку, но она, видимо, не оставила в его памяти заметного следа.

Письмо посвящено описанию свадебного путешествия с М. Т. Беляевой.

² Казармы лейб-гвардейского полка на Петербургской стороне, на набережной Большой Невки; сюда переехал Блок с матерью после замужества ее с Ф. Ф. Кублицким-Пиоттух, поручиком полка.

³ Денщик Ф. Ф. Кублицкого Осип.

8

ИЗ ПИСЬМА А. Л. БЛОКА АРИАДНЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ БЛОК

6 сентября 1892 г. Варшава

«...» Вчера было очень жарко, а сегодня уже осенний день, и обе «маленькие», т. е. маменька и дочка ¹ прилегли поспать или что называется «скисли», что и я намерен предпринять после обеда, по обычаю предков и в назидание потомству, старший член которого отдыхает (до 15 сентября или дольше) в деревне перед новыми зимними трудами (недавно прислал мне новые стишки своего сочинения).

ИРЛИ, ф. 654, оп. 6, № 1.

¹ Ангелина Александровна Блок родилась 2 мая 1892 г., умерла 20 февраля 1918 г.

9

ИЗ ПИСЬМА А. Л. БЛОКА АРИАДНЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ БЛОК

21 декабря 1892 г. Варшава

«...» Сын пока, вероятно, еще не знает даже о том, что у него есть сестричка, хотя я написал ему ко дню рождения письмецо, предупреждавшее о моем приезде. В октябре у него была ветряная оспа.

ИРЛИ, ф. 654, оп. 6, № 1.

10

ИЗ ПИСЬМА А. Л. БЛОКА А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

30 октября 1894 г. Варшава

Посылаю Вам, Александра Андреевна, «переводной билет», по которому Вы можете получить для Сашуры 400 рубл., предъявив в кассе банка свой вид на учительство ¹ или засвидетельствованную доверенность и т. п. (кажется до 2-х часов).

Давно собирался писать, но, по обыкновению, все было некогда, что мешает мне и в Петербург съездить, и откликаться на Ваши ежемесячные письма. За последние от души благодарю Вас и покорнейше прошу передать милому Сашуре мое сердечное поздравление с наступающим для него возрастом ², т. е. «несовершеннолетием», а также мое полное сочувствие его доброму сердцу, гимназическим успехам (не по летам быстрым), участию в сельских работах, верховой езде, стихам и изданию «Вестника» ³. Надеюсь, что старые нумера этого интересного журнала сохраняются, — а «может» быть, иногда и пересылаются по почте? Дабы хоть чем-нибудь

Л. А. БЛОК И А. А. БЛОК (РОЖД. ЧЕРКАСОВА) — ДЕД И БАБУШКА ПОЭТА
ПО ОТЦОВСКОЙ ЛИНИИ

Фотография М. Шерета и Х. Энглера, 1883 г., Дрезден
Литературный музей, Москва

напомнить о себе дорогому издателю (и сыну), прилагаю свою новую фотографию.

Ал. Блок. < . . . >

ИРЛИ, ф. 654, оп. 6, № 1.

¹ Сестры Бекетовы держали экзамены перед специальной комиссией, выдававшей дипломы на право работать домашней учительницей. Об этом в воспоминаниях М. А. Бекетовой «Шахматово. Семейная хроника», публикуемых в наст. томе.

² 16 ноября 1894 г. Блоку исполнилось 14 лет.

³ Рукописный журнал, который Блок выпускал вместе с родными (см. сообщение о нем в наст. томе).

11

ИЗ ПИСЬМА АРИАДНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ БЛОК А. Л. БЛОКУ

23 января 1897 г. Петербург

< . . . > Сашура твой у нас не был. Да и погода стоит неприятная, большей частью ветер < . . . >

ИРЛИ, ф. 654, оп. 6, № 1.

12

ИЗ ПИСЬМА АРИАДНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ БЛОК А. Л. БЛОКУ

19 мая 1897 г. Петербург

< . . . > Твой Саша был у нас в четверг на Святой¹, о чем и писала в потерянном письме — вид у него очень хороший, вырос на наши глаза, таким молодцом: новый мундир, новое пальто², теперь он верно уже уехал в деревню — застал нас он за чаем, это было в четвертом часу. На этот раз был разговорчивее, познакомился побольше с нами. Все были дома, но обедать не остался, хотя это было около 6 часа. < . . . >

ИРЛИ, ф. 654, оп. 6, № 1.

¹ Т. е. 17 апреля.

² В воспоминаниях «Шахматово. Семейная хроника». М. А. Бекетова приводит эту часть письма как иллюстрацию к предлагаемой там же характеристике Ариадны Александровны: «Мать его была женщина добрая и смиренная, но глупая и пошлая. . .» (См. наст. том.)

13

ИЗ ПИСЬМА АРИАДНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ БЛОК А. Л. БЛОКУ

21 марта 1898 г. Петербург

< . . . > Сашуру поджидаю к нам на праздниках, если по случаю занятий не придет, то перешлю с нашим сторожем 200 р. серебром. Хотя ты пишешь и остальные 70 передать, но прости, милый Саша, меня, я 70 р. отдам, получив пенсию 1-го мая. < . . . >

ИРЛИ, ф. 654, оп. 6, № 1.

14

ИЗ ПИСЬМА АРИАДНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ БЛОК А. Л. БЛОКУ

Апрель 1898 г. Петербург

< . . . > Первый день праздника ¹, старшие все наши отправились обедать к Александре Павловне ², я отговорилась усталостью и осталась дома слевой и Кирой ³ — и за то была обрадована визитом Сашуры — он посидел со мной час времени — передала ему 200 рублей, он благодарил, очень был разговорчив — между прочим, говорили о Тебе. Саша и говорит, неужели Папе не скучно так одному — спросила его, начал ли он готовиться к экзамену ⁴ — нет еще пока, кажется, первый будет 16-го числа, а в конце мая и конец. — Переменил факультет ⁵ и думает поступать на юридический, более разнообразный — От нас пошел обедать к Бекетовым. Деду его не лучше, и электричество не помогает ⁶. Потчевала его закускою — он отказался, а покушал только сладкого пирога и выпил наливки, на вид Сашура немного похудел — но это все учащаяся молодежь к концу года, вот и Никс ⁷ тоже похудел и вытянулся. < . . . >

ИРЛИ, ф. 654, оп. 6, № 1.

¹ Пасха в 1898 г. приходилась на 5 апреля.

² Александра Павловна Качалова (1829—1901), урожд. Долгова-Сабурова, мать Николая Николаевича Качалова и Александры Николаевны Блок, жены П. Л. Блока.

³ Лев Николаевич (1888—1975) и Кирилл Николаевич (1893—1944) Качаловы — двоюродные братья Блока.

⁴ Весной 1898 г. Блок сдавал выпускные экзамены во Введенской гимназии.

⁵ О колебаниях в выборе Блоком в 1898 г. факультета из других источников ничего неизвестно; в августе 1898 г. Блок поступил на юридический факультет Петербургского университета.

⁶ Андрей Николаевич Бекетов летом 1897 г. был разбит параличом, от которого так и не оправился.

⁷ Николай Николаевич Качалов (1883—1961) — двоюродный брат Блока.

15

ИЗ ПИСЬМА АРИАДНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ БЛОК А. Л. БЛОКУ

1 января 1899 г. Петербург

< . . . > Я знаю, что Сашура получил твое письмо к 16-му ноября ¹. Он очень был доволен — о чем он мне поспешил и сообщить. Я его с 25-го ² не видела. Он не участвовал в колядке ³. < . . . >

СЕМЬЯ КАЧАЛОВЫХ

(О. Н. Качалова — стоит слева, О. Л. Качалова, Николай и Лев Качаловы, С. Н. Тутолмина — сидит, вторая справа, Ариадна Александровна Блок)

Фотография, 1890-е гг., Москва

Собрание М. Н. Качаловой, Москва

ИРЛИ, ф. 654, оп. 6, № 1.

¹ 16 ноября — день рождения Блока.

² 25 декабря на Рождество Блок обычно делал бабушке визит.

³ О колядке см. ниже, в записках С. Н. Тутолминой. Колядка продолжалась все святки, т. е. от Рождества до Крещения (6 января). Блок мог присоединиться к кузинам после 1 января.

16

ИЗ ПИСЬМА АРИАДНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ БЛОК А. Л. БЛОКУ

17 января 1899 г. Петербург

Дорогой Саша,

Напрасно ожидала вчера и сегодня Сашуру — не пришел — вчера, правда, была ужасно ветреная погода — все жаловались и говорили, что местами трудно было бороться с ветром — и также не был и товарищ ¹.

Последний раз Сашура был у нас 9-го, пришел вечером, была это суббота ², но наши ехали на танцевальный вечер — кого видели, предупредили. Сашура выпил чаю, около 11-ти ушел — ведь поехали на вечер только около 12-ти — тем более, что близко. Вообще у них увеличился эту зиму круг знакомств — вчера напр<имер> запросто собралось человек 25 молодежи.

< . . . > Не помню, писала ли я тебе, что 2-го января у нас был большой вечер с тапером, и твой Сашура был и ужинал, остался до 4-х, а прочие до 6-ти, было человек 110, и знакомые, и родные и профессора, одним словом весь наш круг, а 5-го повторили барышни колядку и в одном доме танцевали до 4-х час. < . . . >

ИРЛИ, ф. 654, оп. 6, № 1.

¹ Николай Васильевич Гун (1878—1902) — товарищ Блока по гимназии. О нем см. в наст. томе сообщение К. А. Кумпан и А. М. Конечного «Александр Блок во Введенской гимназии».

² Суббота — журфикс в доме Качаловых.

17

ИЗ ПИСЬМА АРИАДНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ БЛОК А. Л. БЛОКУ

30 апреля 1899 г. Петербург

<...> Твой приезд сюда был для меня, как сон, но и за то благодарю Бога, что видела тебя. На наши глаза ты совершенно не переменялся. Скучно было тебя провожать. Бог знает, когда увидимся. — На другой день твоего отъезда заходил к нам Сашура. Сказал, что в воскресенье ехал к нам на конке, где у него вытащили из кармана кошелек с 10 р., он так был ошеломлен, что вернулся домой — с тех пор мы его не видели. Поздравляю тебя с наступающим днем рождения милой Ангелиночки, по твоём отъезде получила визитную карточку от Марии Тимофеевны. <...>

ИРЛИ, ф. 654, оп. 6, № 1.

18

ИЗ ПИСЬМА АРИАДНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ БЛОК А. Л. БЛОКУ

25 июля 1899 г. Хвалевское ¹

<...> Вообще живется тихо — барышни немного скучают. Соня ² занимается музыкой, а Оля ³ ведет большую переписку — пишет ее кузену внуку моему Саше, от которого тоже получила уже два письма — слава Богу он здоров — навещает соседей ⁴. <...>

ИРЛИ, ф. 654, оп. 6, № 1.

¹ Хвалевское — имение Качаловых в Новгородской губернии, где они обычно проводили лето.

² Софья Николаевна *Качалова* (1880—1967), в замужестве Хрущёва (с 1909 г.), Тутолмина (с 1916 г.)

³ Ольга Николаевна *Качалова* — двоюродная сестра Блока. Переписка нам неизвестна.

⁴ Лето 1899 г. — второе лето знакомства Блока с Менделеевыми и поездок в их имение Боблово.

19

ИЗ ПИСЬМА АРИАДНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ БЛОК А. Л. БЛОКУ

21 декабря 1899 г. Петербург

<...> Эти последние дни мне что-то нездоровится ¹.

<...> Я приготовила подарить Ангелиночке сказки Гримма, очень хорошенькое издание с гравюрами. Сашу давно не видала, он театрал. Писал как-то Оле, устройте домашний спектакль, я буду у вас участвовать, но этот год ничего не будет у нас ². <...>

ИРЛИ, ф. 654, оп. 6, № 1.

¹ 3 января Ариадна Александровна умерла.

² В связи с накопившимися долгами предполагалось изменить образ жизни семьи.

ИЗ ПИСЬМА АЛЕКСАНДРЫ НИКОЛАЕВНЫ БЛОК¹ А. Л. БЛОКУ,

1 февраля 1900 г. Петербург

Дорогой Саша! Прежде всего спешу Вас успокоить, что деньги (275 р.) передал Петя² Вашему Саше в воскресенье, 30 января. Я нарочно воспользовалась этим случаем, чтобы получить его, наконец, к себе³, и так как в этот вечер к нам собирались Оля, Соня и Ив. Ив. Лапшин⁴, то я и ухватилась за такой удачный случай и написала ему, чтобы он к нам зашел.

Вечер провели очень хорошо. Сначала до Саши Ив <ан> Ив <анович> нам читал вслух «Честь» Зудермана⁵ (есть в ней хорошее, есть и натянутое), затем, когда пришел Саша, мы его попросили прочесть, или вернее, сказать «Сумасшедшего» Апухтина⁶. Он сказал его очень хорошо, горячо и в настоящем тоне. Потом, после пения Оли, Петя, Ив. Ив. и Саша прочли «Три смерти» Майкова⁷ (Саша читал Люция). Чудная вещь. Мы, дамы, слушали и работали, так же и наши оба мальчика⁸, так было приятно и уютно. Мы с девочками⁹ проектируем почаще устраивать подобные сборища и начать пока с самой маленькой компании и будем впускать очень осторожно новобранцев. Сашу, конечно, буду извещать всякий раз, не знаю, будет ли он так же мило отзываться, как в последний раз. Он нам с Петей очень симпатичен (впрочем, и всем родным тоже), и Петя мне сказал, что он, видимо, очень умный мальчик.

Остальные Ваши деньги — 26 р., согласно Вашему желанию, поделили между Вашими петербургскими племянниками, за что все Вас очень благодарят и, вероятно, все будут писать. Большое Вам спасибо за письмо, зная Вашу ненависть к писанию, я это особенно ценю, хотя меня и огорчило, что Вы себе испортили целый вечер. Зачем Вы так много думаете над такими письмами, гораздо бы лучше было, если бы Вы писали менее логично, но зато все, что есть на душе <...>

ИРЛИ, ф. 654, оп. 6, № 18.

¹ Александра Николаевна Блок (1855—1927), урожд. Качалова — главная петербургская корреспондентка Александра Львовича Блока с момента смерти его матери до 1909 г. Первое письмо А. Н. Блок (от 29 декабря 1899 г.) содержало просьбу о деньгах на лечение Ариадны Александровны и историю ее болезни. Во втором (от 17 января 1900 г.) — она предлагает Александру Львовичу свою родственную поддержку и выражает готовность навещать семью Беляевых, чтобы давать ему известия об Ангелине. Александра Николаевна спешит также установить отношения с Сашей, как это видно из ее третьего приводимого здесь письма.

² Петр Львович Блок (1854—1916) — присяжный поверенный, дядя поэта. После смерти бабушки отцовские деньги Блок получал через него.

³ Об этом же вечере см. в записках Г. П. Блока «Из семейных воспоминаний». — В кн.: «Александр Блок в воспоминаниях современников», т. 1. М. (в печати).

⁴ Иван Иванович Лапшин (1870—1948) — друг семьи Блоков, профессор философии, читал философские дисциплины в Петербургском университете и на Высших женских курсах, автор многочисленных трудов по истории философии, по психологии и эстетике, сотрудник Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона. Его отец, Иван Осипович Лапшин, находился в дружеских отношениях с Владимиром Соловьевым. Соловьев бывал в доме Лапшиных и переписывался с ними. Сохранилась запись, сделанная Соловьевым в альбом семилетнему Ване Лапшину (см. «Письма В. С. Соловьева». Под ред. Э. Л. Радлова, т. II. СПб., 1908).

⁵ Герман Зудерман (1857—1928) — представитель натуральной школы в немецкой драматургии; драма «Честь» — 1889 г.

⁶ «Сумасшедший» Апухтина — стихотворение 1890 г., исключительно популярное у чтецов-декламаторов конца века. Сам Блок декламировал его сотни раз. О чтении Блоком «Сумасшедшего» см. ниже воспоминания С. Н. Тутолминой, а также: Г. Блок. Герои «Возмездия»; Вл. Пяст. Два слова о чтении Блоком стихов. — В сб.: «Об Александре Блоке». Пб., 1921.

⁷ «Три смерти» — поэма или, по собственному определению А. Н. Майкова, лирическая драма в стихах (1851). Сенеку читал Лапшин, Лукана — Петр Львович. О чтении в этот вечер см. VII, 343.

⁸ Георгий и Николай Петровичи Блоки. Двоюродные братья Блока.

⁹ С Олей и Соней.

ИЗ ПИСЬМА ОЛЬГИ ЛЬВОВНЫ КАЧАЛОВОЙ¹ А. Л. БЛОКУ

12 апреля 1900 г. Петербург

«. . .» 2-го марта были Оля с Никсом на спектакле в зале Павловой², там дебютировал Твой Саша³, роль его была не особенно большая — адвокат в пьесе «Серж Панин» Онэ⁴, но он отлично держался на сцене и был очень авантажен в гриме. Своей манерой держаться и наружностью он ярко отделялся от прочих исполнителей. В пасхальную заутреню Саша ходил вместе с нами на площадь Исаакиевского собора, а потом опять прогулялись, как и в прошлом году, и разошлись все после разговления в третьем часу.

На днях надо будет повидать Ангелиночку. «. . .»

ИРЛИ, ф. 654, по. 6, № 35.

¹ Ольга Львовна Качалова (1859—1900), урожд. Блок, тетка поэта.

² Зал Павловой на Троицкой улице сдавался под спектакли.

³ Блок — член «Петербургского драматического кружка» — первоначально получил в пьесе Онэ одну из главных ролей (см. письмо к отцу от 22 января 1900 г. в кн.: «Письма к родным», I), но играл в спектакле роль весьма незначительную. Об интригах, шедших вокруг Блока в «Петербургском драматическом кружке», кратко в кн.: Н. Волков. А. Блок и театр. М., 1926, с. 7—8.

⁴ Жорж Онэ (1848—1918) — французский писатель; его романы пользовались большим успехом у массового читателя. Роман «Серж Панин» (1881) был переделан самим автором в драму, которая затем была переведена в России под названием «Теща». В этой драме роли адвоката нет. Такая роль есть в другой пьесе Онэ — «Горнозаводчики». В дневнике 1918 г. Блок вспоминал, как в декабре 1899 г. в зале Павловой играл роль банкира в «Горнозаводчиках» (VII, 340). Никаких упоминаний о «Серже Панине» у Блока нет.

ИЗ ПИСЬМА ОЛЬГИ НИКОЛАЕВНЫ КАЧАЛОВОЙ А. Л. БЛОКУ¹

Осень 1900 г. Петербург

«. . .» Сашу Твоего видим довольно часто и еще больше его полюбили. Он как-то очень развился умственно за этот год, да и физически очень окреп и возмужал «. . .»

ИРЛИ, ф. 654, оп. 6, № 36.

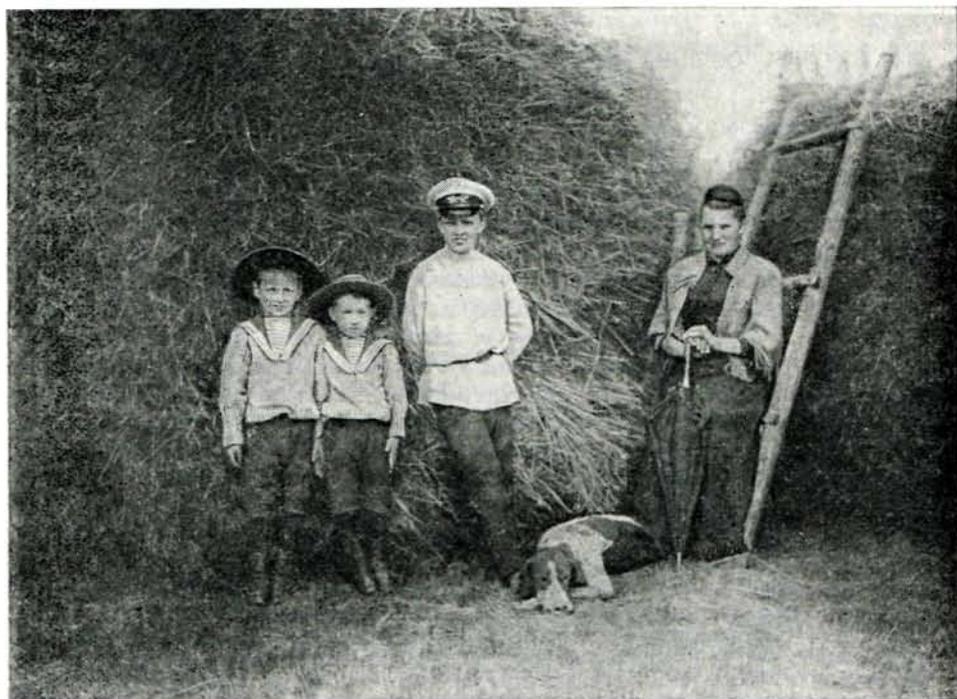
¹ Письмо на бумаге с траурной каймой, написано сразу после смерти матери О. Н. — Ольги Львовны Качаловой.

ИЗ ПИСЬМА АЛЕКСАНДРЫ НИКОЛАЕВНЫ БЛОК А. Л. БЛОКУ

18 октября 1900 г. Петербург

«. . .» Иногда по субботам мы собираемся маленькой компанией и читаем вместе. Пока я не назначаю Jour fix'ов¹, боюсь, что это всех испугает и потеряет прелесть наших бесцеремонных сборищ, но со временем я бы хотела устроить, чтоб у меня более или менее регулярно собирались в этот день и чтоб читать вместе. Это так приятно и куда интереснее всех этих вечеров, где говорят большей частью одну чепуху.

В одну субботу был у меня Ваш Саша. Он был накануне у Качаловых и Оля уговорила его насилу придти к нам обедать и провести вечер. Я была очень довольна, что он пришел так бесцеремонно по-родственному. Мы все были очень рады его видеть, и мне очень хочется, чтобы он почаще у нас бывал. Это время он увлекается Платоном², всем зачитывается, стихи сочиняет (он нам декламировал свое), видимо навеянные им же. Читали мы Соловьева «Три разговора»³. Очень интересную и остроумную вещь.

БЛОК В ШАХМАТОВЕ С ДВОУРОДНЫМИ БРАТЬЯМИ — ФЕЛИКСОМ И АНДРЕЕМ КУБЛИЦКИМИ-ПИОТТУХ. СПРАВА — ГУВЕРНАНТКА КУБЛИЦКИХ

Фотография, 1892—1893 гг.

Литературный музей, Москва

Иван Иван. Лапшин объяснял нам, кто разумеется под описываемыми лицами⁴ и тем, конечно, прибавил интересу. В следующий раз кончим и возьмем что-нибудь другое. Мы читаем понемногу, так как не желаем набивать никому оскомину, и затем в промежутках говорим и музицируем. < . . . >

ИРЛИ, ф. 654, оп. 6, № 18.

¹ Александра Николаевна взяла на себя заботы по воспитанию детей Ольги Львовны и старалась восстановить прежний образ жизни семьи Качаловых, отсюда — журфиксы по субботам.

² Ср. воспоминание Блока в дневнике 1918 г.: «Тут я хвастаюсь у Качаловых своим Платоном» (VII, 343).

³ «Три разговора» В. С. Соловьева — философские диалоги. Одно из основополагающих для русского символизма сочинений В. Соловьева.

⁴ Прототипы участников «Трех разговоров» — вопрос, требующий специальных исследований. И. И. Лапшин, будучи в дружеских отношениях с Соловьевым, мог получить сведения от него самого. (Об отношениях между Соловьевым и Лапшинскими см. п. 20, прим. 4).

24

ИЗ ПИСЬМА ОЛЬГИ НИКОЛАЕВНЫ КАЧАЛОВОЙ А. Л. БЛОКУ

Весна 1901 г. Петербург

< . . . > Третьего дня у нас был Саша и всех поразил своим худым видом. Бледный ужасно и вообще очень плохо выглядит. Симпатичен он по-прежнему, если не больше, и мы его все любим от души¹. < . . . >

ИРЛИ, ф. 654, оп. 6, № 36.

¹ Это неосторожное письмо Ольги весьма обеспокоило Александра Львовича. Необходимостью умерить его волнение вызваны письма Софьи (№ 30) и Марианны (№ 31).

ИЗ ПИСЬМА СОФЬИ НИКОЛАЕВНЫ КАЧАЛОВОЙ А. Л. БЛОКУ

21 апреля 1901 г. Петербург

Дорогой мой дядя Саша,

Постоянно все мы, и я, в частности, вспоминаем о Тебе, одной из причин, почему я не писала Тебе, было то, что Саша не был у нас с первой недели поста до вчерашнего дня, и поэтому я не могла ничего положительного сказать Тебе про него. Вчера же вечером он долго сидел у нас, и я узнала, что он отлично держит экзамены и репетиции (за Государственный право получил 4), был одним из первых экзаменующихся после забастовки¹ и вообще самочувствие у него довольно хорошее, хотя, как и у всех после этого смутного времени, в голове образовалась порядочная путаница мыслей и понятий, и он с нерешительностью ждет лета, чтобы отдохнуть и разобраться во всем этом. Устали все тут страшно, и особенно те, кто близко стоял у дела. Бедный Папочка наш теперь даже хворает и довольно серьезно². <...>

ИРЛИ, ф. 654, оп. 6, № 37.

¹ Студенческие волнения 1901 г. ознаменовались забастовкой высших учебных заведений страны и большой студенческой демонстрацией у Казанского собора 4 марта, вылившейся в сражение между студентами и казаками. Восстанавливая в памяти эти события (VII, 340—341), Блок смешал забастовку 1899 г. (февраль—март) и 1901 г. (январь—апрель). Столкновение со студенческой депутацией на экзамене проф. Георгиевского не могло произойти в 1901 г., так как к этому времени экзамены за первый курс Блок уже сдал, а политическая экономия читалась Георгиевским именно на I курсе. Экзамены 1901 г. Блок сдавал со второй половины апреля, после окончания забастовки.

² Николай Николаевич Качалов был директором Электротехнического института, одного из центров студенческих волнений Петербурга. 14 апреля студенты института после закрытого общего голосования вернулись к занятиям. Н. Н. Качалов действительно был болен до конца 1901 г. Начиная с 4 марта 1897 г. — со дня панихиды по Марии Ветровой, сжегшей себя после допросов в Петропавловской крепости, — студенты-электротехники почти каждую весну организовывали длительные забастовки. Положение Н. Н. Качалова как администратора было исключительно сложным. В конце концов, 10 января 1905 г. он принял участие в сходке преподавателей и студентов, а 11 января подписал решение о прекращении занятий института, о начале забастовки. См.: Г. А. Калининский. Участие студентов и преподавателей петербургского электротехнического института в борьбе против царизма. — Известия Ленинградского электротехнического института имени В. И. Ульянова (Ленина), вып. XXII, 1957.

ИЗ ПИСЬМА МАРИАННЫ ПЕТРОВНЫ АНДРЕЕВОЙ¹ А. Л. БЛОКУ

23—24 апреля 1901 г. Петербург

Милый дорогой дядя Саша. Все не писала Тебе, потому что не хотела писать, не увидав Сашу. Вчера же у мамы² состоялось наше знакомство. Мама праздновала свои именины нарочно днем раньше, чтобы не звать всех родных в тот же день, как и бабушка³. Так что вчера был у нее большой вечер. Было много родных и несколько знакомых, в том числе была м-ше Лосская с дочерью (жена и дочь папичного умершего друга). Эта барышня только что вернулась из Парижа, где училась петь, и вчера демонстрировала свои успехи. И вот в 9 ч. вошел Саша. Я его представляла себе выше, — в общем же почти так же, как он и есть на самом деле. Сначала мы стали говорить на «Вы», но мама сразу возмущилась этим и заставила нас произнести первое «Ты». Тогда все пошло само легко, как будто бы мы были давно знакомы. Страшно ведь первое слово только. Потом мы много говорили с Сашей. Я села нарочно рядом с ним за чаем и спрашивала его про все, про все, зная, что Тебе будет все это интересно послушать от меня. Его здоровье совсем не так ужасно, как Ты думаешь. Успокойся совсем, милый дядя Саша. Он был у доктора (когда, не спросила

точно), и он ему сказал почти все то же, что говорят мол «одым» людям его возраста, только «лишь» нашел у него легкую неправильность в регулярном бёе сердца, что весьма часто бывает в это время и нашел нервы немного развинченные, но тоже только в такой степени, как это бывает у многих, почти у всех. Больше же ничего, решительно ничего. И он чувствует себя вполне хорошо.

9-го и 10-го на допущенных правительством сходах решено ведь было держать всем желающим экзамены и вот Саша держал уже Государственное право и получил 4, чем недоволен. Хотел 5. Из Полицейского права он держал еще в феврале месяце репетицию вместо экзамена, чтобы избавиться от него раньше, что дозволяется всем желающим, но чего не делают большинство из-за лени, откладывая все напоследок.

Из Полицейского права он получил тоже 4. Теперь будет экзамен Истории Русского права 2-го мая, после чего Саша едет в деревню⁴.

Всеми волнениями студенческими он не очень интересовался и говорит, что много было таких, так как товарищество ужасно у них мало развито. Теперь его по-прежнему больше интересует декламация, и вот он мне рассказывал, как занимался весной уже 5 раз с актрисой Александринского театра Читау 2-ой⁵. Она видела его где-то в обществе и слышала и восхитилась, должно быть (он этого не говорил), так как пригласила его приходить к ней давать даром реплики ее ученицам, за что она его в свою очередь учила и давала советы. Читали они «Горе от ума» — он был Чацкий и было, говорит, очень весело. Теперь, к сожалению, почему-то кружок распался⁶. Но это и не худо, пожалуй, так как он оттого лучше занимается экзаменами и даже уверяет, что временно охладел к декламации. Надо думать, что это только временно — не верится, чтоб эта страсть прошла совсем и так скоро.

24 апреля

Вчера не успела кончить письма. Продолжаю сегодня. Уже времени так мало, что приходится писать урывками, а потому заранее извиняюсь за нескладное, но зато и искреннее письмо свое.

Итак, дальше про Сашу. Он декламировал по нашей просьбе «Сумасшедшего» Апухтина. Оказывается, он его декламирует чуть ли не в сотый раз, уже и потому с меньшим чувством, но все-таки очень талантливо. Он, видно, действительно одаренный юноша, а главное в высшей степени симпатичный. Мне очень, очень было приятно видеть его.

Соня стала мне его расхваливать, похвасталась особенно тем, что он страшно их с Олей уважает, почитает, а он, услышав это, нарочно стал ее дразнить — и на все ее мнения, слова и даже игру на рояле все прибавлял покровительственным тоном «да ведь она у меня очень хорошая» или «ведь она у меня такая способная...» Она делала вид, что очень недовольна, и все это так мило, дружно — сразу видно, что у него и с Олей и Соней чудные дружеские отношения. Со мной он тоже говорил мило, просто, как и нужно с сестрой.

Когда девочки Качаловы собрались домой — он вызвался их проводить и усадить на извозчика, так как они были одни. <...>

ИРЛИ, ф. 654, оп. 6, № 14.

¹ Марианна Петровна Блок (1880—1943), в замужестве Андреева, во втором браке — Киршбаум, двоюродная сестра Блока. С 1898 по 1904 г. прожила в Варшаве, где регулярно виделась с Александром Львовичем. Весной 1901 г. гостила в Петербурге у родителей.

² Александра Николаевна Блок.

³ Александра Павловна Качалова.

⁴ Экзамен по истории русского права Блок выдержал на 3, экзамен по статистике 22 мая — на 4.

⁵ Мария Михайловна Читау-Кармина (1861—1935) — актриса Александринского театра, руководила театральными курсами.

⁶ С уходом Блока курсы Читау не прекратились, следующей осенью их посещала Л. Д. Менделеева.

27

ИЗ ПИСЬМА СОФЬИ НИКОЛАЕВНЫ КАЧАЛОВОЙ А. Л. БЛОКУ

20 сентября 1901 г. Петербург

«...» Твой Сашура был у нас в мои именины; он по-прежнему удивительно мил, и мы все страшно рады были его видеть.

Он говорит, что отдохнул за лето, но, кажется, немного забросил свою поэзию, по крайней мере мы никак не могли упросить его что-нибудь нам продекламировать. Теперь он вновь с удвоенным рвением принимается за свои университетские занятия. «...»

ИРЛИ, ф. 654, оп. 6, № 37.

28

ИЗ ПИСЬМА АЛЕКСАНДРЫ НИКОЛАЕВНЫ БЛОК А. Л. БЛОКУ

17 ноября 1901 г. Петербург

«...» Сына Вашего Сашу видела мельком на свадьбе¹. Он был шафером у Штейна² и затем подходил ко мне во время поздравления. Сообщил мне, что перешел на филологический факультет, и хотя теряет два года, но очень счастлив, так как попал на свое призвание: изучение философии и других интересующих его наук. Физически не изменился с прошлого года. «...»

ИРЛИ, ф. 654, оп. 6, № 18.

¹ Свадьба Ольги Николаевны Качаловой со Штейном — 12 ноября.

² Штейн — секретарь русского посольства в Корею, позже в Рио-де-Жанейро. Блок был почти незнаком с ним.

29

ИЗ ПИСЬМА СОФЬИ НИКОЛАЕВНЫ КАЧАЛОВОЙ А. Л. БЛОКУ

29 декабря 1901 г. Петербург

«...» Сашура бывает у нас в этом году довольно часто, если принимать во внимание то далекое расстояние¹, которое нас разделяет. Он очень много занимается, в спектаклях, слава Богу, не принимает участия, а выступает просто как декламатор и имеет большой успех. Мы все по-прежнему очень его любим и очень рады, что он не забывает нас. Сами мы провели праздники, конечно, невесело². «...»

ИРЛИ, ф. 654, оп. 6, № 37.

¹ Н. Н. Качалов со своей семьей переехал в новое здание Электротехнического института на Аптекарском проспекте. Прежде Институт размещался на Новоисаакиевской улице в доме № 18.

² Праздники омрачены болезнью отца и отъездом Ольги в Корею.

30

ИЗ ПИСЬМА СОФЬИ НИКОЛАЕВНЫ КАЧАЛОВОЙ А. Л. БЛОКУ

6 января 1903 г. Петербург

«...» Саша, вообрази, не был у нас со времени твоего приезда, и я только раз мельком видела его на одном концерте Олениной д'Альгейм¹, где он был со своей матерью и отчимом и, как мне показалось, избегал меня².

Недавно я получила от него несколько строк³, где он поздравляет меня и пишет, что не приходил так долго по нездоровью, но теперь чувствует себя хорошо и надеется скоро придти⁴; я слышала также, что он очень занят. «...»

ИРЛИ, ф. 654, оп. 6, № 37.

¹ Мария Алексеевна *Оленина-д'Альгейм* (1869—1970) — певица, меццо-сопрано, исполняла песни разных народов и камерные произведения новейших композиторов. Была в числе учредителей «Дома песен» (1908). Ее концерты в 900-е годы оценивались как культурные события большой важности и широко обсуждались в символистских кругах. Впечатления Блока от этих концертов см. в письме С. М. Соловьеву от 6 декабря 1903 г. (VIII, 72—73). О ней же см.: Андрей Б е л ы й. Начало века. М.—Л., 1933.

² Об этой встрече в записках своих С. Н. Тутолмина не упоминает.

³ Письмо Блока не сохранилось.

⁴ Больше Блок Качаловых не посещал.

АЛЕКСАНДР БЛОК В ВОСПОМИНАНИЯХ С. Н. ТУТОЛМИНОЙ

С Александром Блоком мы были в близком родстве: его отец — родной брат моей матери. Мы родились в один год. Должно быть, именно потому он был ближе со мной, чем с моей старшей сестрой Ольгой.

Нас связывала еще проявившаяся у обоих с ранних лет любовь к стихам. Нам было по восьми лет, когда мы начали переписываться стихами.

Хотя оба мы жили в Петербурге, однако семьи наши не бывали друг у друга: наша бабушка Ариадна Александровна Блок, которая жила с нами, не могла простить матери поэта ее уход от Александра Львовича ее обожаемого старшего сына, и отношения были порваны.

Но та же бабушка передала мне как-то стихи, написанные Сашей, и велела ответить ему тоже стихами. Переписка эта, не подогреваемая свиданиями, скоро прекратилась. У меня остались в памяти две строчки его письма:

Ужин был у нас прекрасный,
И кисель из клюквы красный.

Помню еще одну встречу в Александровском саду, куда нас водили гулять. Передо мной неожиданно предстал хорошенький мальчик с кудрями, в отложном воротничке. Но и после этого лед не растаял.

В 1890 г. мы уехали из Петербурга и вернулись туда в 1895 г. осенью. Очень скоро после нашего приезда перед обедом раздался звонок, и вошел худенький, невысокого роста гимназист. Это был Саша Блок. Он сказал, что пришел навестить бабушку. Бабушка увела его к себе в комнату, но обедал он с нами. Во время обеда был тих, но не застенчив, охотно отвечая на вопросы с характерной для него уже и тогда манерой говорить замедленно, словно цедя слова сквозь зубы.

В течение зимы он несколько раз приходил к нам и также сидел сначала у бабушки, а затем обедал с нами. Мы считали его бабушкиным гостем и мало интересовались им. Так было и в следующие два года.

Осенью 1898 г. он явился к нам в студенческом сюртуке, возмужавший, оживленный.

В эту зиму у нас собиралась по субботам молодежь: увлекались музыкой, пением, декламацией, и Саша стал непременным членом этих собраний.

Внешне, я помню, меня поразила перемена в фигуре Саши: он как-то раздался в ширину, грудь стала выше, осанка увереннее. Приходил он к нам всегда в студенческой форме. Таким он и запечатлелся в моей памяти.

Был он очень аккуратен, подтянут, но без всякого фатовства. Ботинки носил самые простые, даже несколько по-стариковски широкие, в то время как другие молодые люди особенно щеголяли тогда обувью с какими-то якобы «американскими» носами.

Саше Блоку можно было поставить в упрек разве только слишком подчеркнутую солидность, медлительность, которая делала его старше своих

лет. Я не помню у него ни одного быстрого движения, даже в играх, которые мы часто затевали и в которых он охотно принимал участие. Мне казалось, что он старался подражать нам в живости, но что для него это было непривычно (например, бегать).

Все мы очень любили его. Он очаровывал нас своей милой простотой, чудной улыбкой. И уж ни капли не было в нем унылости, даже вялости. Он от всей души веселился и смеялся, но все это было несколько другого, чем у нас, темпа. Как сказали бы теперь, он был не «физкультурен». «Вырос один в семье», — так объясняли себе это мы.

В одну из суббот Саша выступил у нас как декламатор — прочел «Сумасшедшего» Апухтина, и с таким мастерством, что мы все были поражены.

Ножки ее целовал,
Бледные ножки, худые,

— эти слова он произносил почти со слезами: губы у него дрожали при совершенно неподвижном лице. Это выступление сразу подняло его во мнении всего общества: мы увидели в нем художника, который был выше нас всех.

В этом году устроилась у нас на святках «украинская колядка». Компания наша (около 40 человек) разучила несколько народных украинских песен, «Колядку» из оперы «Ночь перед Рождеством» Римского-Корсакова, застольный хор из оперы «Русалка» Даргомыжского и в крытых дилижансах (так называемых кукушках) разъезжали по знакомым с мешками для колядования. Конечно, был с нами и Саша в украинском костюме, но отнюдь не поющий: как мы ни старались, мы не могли обнаружить у него ни голоса, ни музыкального слуха. Веселился он во-всю. Мы заезжали в 5—6 домов, и всюду нам после наших песен набивали мешки фруктами и сладостями. А когда садились в «кукушку» — начиналось «сражение»: перекидывались мандаринами и яблоками, как мячами. Как сейчас вижу хохочущее, задорное лицо Саши, терявшего при этом всю свою «солидность».

Саша часто вписывал в мой альбом стихи, но, к сожалению, не свои, а Мея, Фета, Майкова и др. Читал стихи о «Прекрасной даме», но только, когда мы бывали с ним одни.

В следующем году Саша явился осенью совсем какой-то другой — увлеченный Шекспиром и летними спектаклями на даче у Менделеевых. Он охотно читал нам монологи. Особенно хорошо выходил у него монолог Отелло на суде:

Она меня за муки полюбила,
А я ее за состраданье к ним. . .

Эти слова он произносил превосходно: очень тихо, как будто монотонно, но с большим внутренним напряжением.

Вижу его сейчас, как живого, в нашей гостиной, окруженного притихшей толпой влюбленной в него молодежи. Он стоит, взявшись руками за спинку стула. Голова поднята. Ореховые глаза полускрыты. Красивый рот выговаривает слова как бы с усилием, сквозь зубы, и подбородок выдается при этом немного вперед.

Нас увлекало и мужавшее его мастерство, и сам он, но мы начали испытывать ревность. Мы почували, что художественная сторона его природы нашла себе новую пипу где-то вне нашего круга. Он любил нас по-прежнему, но от нас ничего уже не брал, а, напротив, приносил нам нечто, накопленное на стороне. Все же личные свои переживания, как и всегда, скрывал.

У нас не принято было говорить о любви, но она носилась в воздухе, как у Ростовых: все было в кого-то влюблены, и все это переключалось

на искусство. Саша раньше тоже подавался этому, а теперь чувствовалось, что он нас перерос.

Уехав этой осенью в Крым, я часто писала ему оттуда. Я почувствовала, что им начинает овладевать какая-то тоска. В своих письмах я старалась вдохнуть в него ту жизнерадостность, которая никогда во мне не иссякала. Посылала ему в письмах цветы. Он тоже писал мне часто. Помню такую фразу в одном из его писем: «Сумерки души сливаются с наступающей осенью. А роза твоя все же великодушна и говорит о другом».

Помню, как Саша в ранние годы встречался у нас со своим отцом. Отец любил его, расспрашивал об университетских делах, и они подолгу просиживали рядом за столом. Саша прямой, спокойный, несколько «навытяжку», отвечал немногословно, выговаривал отчетливо все буквы, немного выдвигая нижнюю губу и подбородок. Отец сидел сгорбившись, нервно перебирая часовую цепочку или постукивая по столу длинными желтыми ногтями. Его замечательные черные глаза смотрели из-под густых бровей куда-то в сторону. Иногда он горячился, но голоса никогда не повышал.

Однажды Александр Львович, приехав из Варшавы, сейчас же вызвал сына: «Ты должен выбрать себе какой-нибудь псевдоним, — говорил он Саше, — а не подписывать свои сочинения, как я — «А. Блок». Неудобно ведь мне, старому профессору, когда мне приписывают стихи о какой-то «Прекрасной даме». Избавь меня, пожалуйста, от этого». Саша стал подписываться с тех пор иначе.

Зимой 1915—1916 г. после долгого перерыва я вернулась в Петроград и от сестры узнала некоторые подробности о жизни Саши. Как-то мы отправились с ней на дневное представление оперы «Кармен» с участием артистки Дельмас. Там оказался Саша. Он увидал меня, подошел, и мы с ним тепло, уютно поговорили.

— Я думала, ты меня не узнаешь: ведь ты стал такой знаменитостью, — сказала я.

— Как можешь ты говорить это серьезно, Соня! Я никогда не переставал помнить и любить вас по-прежнему. Только теперь я живу большей частью один. В обществе мне тяжело бывать.

И на мою просьбу приехать к нам он не ответил согласием. Он прошел в первый ряд, затем за кулисы, и больше я его не видела.

Но через несколько дней я сама поехала к нему. Повод для свидания был деловой. После нескольких лет вдовства я выходила вторично замуж. Мы решили венчаться негласно, позвав на свадьбу только двух свидетелей. Одним из них был мой родной брат Н. Н. Качалов, «Нике», как мы его звали в нашей семье, другим я наметила Сашу и написала ему, прося принять меня по секретному делу. Он немедленно назначил день. Это было в начале января 1916 г. Я пришла к нему в 5 часов вечера. Он сам открыл мне дверь. В квартире больше никого не было. Комната, в которой он при-

АНГЕЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА БЛОК,
СВОДНАЯ СЕСТРА ПОЭТА

Фотография В. Ясвоина, 1910 г. (?), Петербург
Литературный музей, Москва

нимал меня, была темной, с простой кабинетной обстановкой. Мы сели посреди комнаты за круглый стол. Когда я ему сказала, что его квартира кажется мне мрачноватой, он подвел меня к окну:

— Зато посмотри, какой вид! — В окне виднелась речная даль (он жил на Пряжке).

Когда я изложила свою просьбу, он немедленно и очень охотно согласился быть моим шафером. Ему даже понравилась конспиративность нашей свадьбы.

Его отчужденность от людей произвела на меня тяжелое впечатление, и я решила это высказать.

— Если бы я была все время около тебя, ты был бы, может быть, другой!

— Да, возможно, что я мог бы быть счастливее. . . Но я считаю, что человек в наше время не имеет права на счастье. Я дорожу своим одиночеством. Оно мне не мешает любить жизнь во всех ее проявлениях. Вот эта мелочная лавчонка, что видна из моего окна, говорит мне больше, чем вся искусственно создаваемая людьми мишурная красота, потому что в этой лавчонке сама жизнь.

— Ты называешь мою жизнь мрачной, — продолжал он, — но я люблю эту мрачность и считаю кощунством радоваться и быть счастливым в наше ужасное время.

Мы говорили с ним больше часа. Мы не касались внешних событий его и моей жизни, происшедших за те 14 лет, что мы не виделись, а делились только тем, что накопилось у нас за это время на дне души. Я поняла, что этот человек ушел от меня далеко, что он живет уже не своей личной жизнью, а жизнью своей страны, что в своем сердце он носит судьбу многих и многих людей.

Мне было радостно наблюдать, как под действием юношеских воспоминаний сходит с его лица скорбная складка, и лицо его освещается светлой улыбкой прежнего Саши Блока. . .

Через несколько дней состоялась наша свадьба. Когда мы с мужем приехали в церковь, Саша был уже там. На нем был черный сюртук. (Дома он был в какой-то куртке с отложным мягким полотняным воротничком.)

Он был огорчен, что с нами приехали еще четверо наших близких родных и даже мягко упрекнул меня в том, что я его обманула. Я объяснила ему, что это вышло случайно. Он один держал венец над моей головой, и я чувствовала, что делал он это с любовью.

После свадьбы он наотрез отказался ехать с нами ужинать. За ужином у всех в бокалах вместо вина были живые розы. Все присутствующие соединили их в один огромный букет, и мы с мужем завезли его Саше на квартиру с приветственной запиской, которую я осмелилась написать в стихотворной форме. А на другой день я получила от него то прекрасное письмо, которое напечатано нынче в однотомнике Блока. На конверте он написал мою новую фамилию и, таким образом, нарушил нашу «тайну».

Больше я его не видела.

II

ВОСПОМИНАНИЯ Е. А. БОБРОВА И Е. С. ГЕРЦОГ ОБ А. Л. БЛОКЕ

Публикация Т. Н. Конопацкой

Публикуемые ниже воспоминания писались не в непосредственной близости к изображаемым событиям, а долгие годы спустя. Зато, может быть, то немногое, что у этих людей не ушло из памяти, не стерлось с годами, представляет особый интерес. И Бобров, и Герцог встречались с Александром Львовичем довольно часто вплоть до его кончины.

Стоит обратить внимание на то, что оба эти столь несхожих между собой человека независимо один от другого запомнили и отметили некоторые общие черты и особенности в характере и облике А. Л. Блока. Но многое, и это естественно, освещено ими по-разному.

Машинописный экземпляр воспоминаний философа и публициста Евгения Александровича Боброва (1867—1933) хранится в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, куда он поступил в 1971 г. от Л. Н. Черткова¹.

Е. А. Бобров окончил Юрьевский (бывш. Дерптский) университет по двум отделениям: историко-литературному и философскому. В 1895 г. он защитил диссертацию на степень магистра философии по теме «Отношение искусства к науке и нравственности» и был утвержден в должности доцента философии Юрьевского университета. С 1896 г. Бобров — профессор философии Казанского университета, а с 1903 г. он занимает ту же кафедру в Варшавском университете. С 1915 г. он в Ростове-на-Дону, куда был переведен Варшавский университет. С установлением Советской власти Бобров продолжает оставаться профессором Ростовского университета. Он преподает в Совпартшколе и читает лекции для населения по разным отраслям знаний. Последние годы жизни Бобров работал в Ростовском педагогическом институте. В своем письме к Е. Ф. Никитиной в мае 1930 г. он пишет: «Я сильно постарел, но еще работаю. Ваши книги покупал и пользовался ими для лекций по литературе»².

Разносторонне образованный, владевший многими иностранными языками Е. А. Бобров имел тесные личные связи с видными литераторами и учеными своего времени. Он состоял в деловой и дружеской переписке с В. И. Саитовым, с которым обменивался печатными трудами, с Н. О. Лернером, с В. Е. Чепихиным (Ветринским). Между прочим, в одном из писем (от 7 ноября 1916 г.) он просит Чепихина поблагодарить от его имени М. А. Цявловского, который, — пишет он, — «вспомнил и обо мне как о пушкинисте»³.

В течение жизни Бобров собрал большую библиотеку, завязывал связи с петербургскими и московскими антикварами. Об этом свидетельствует его письмо в антикварную книжную торговлю П. Шибанова⁴.

В своих воспоминаниях Бобров приводит новые факты, говорящие о сложном, доходящем до патологической странности характере А. Л. Блока. Но в них имеется также подтверждение его научной одаренности, своеобразности и широкой образованности. Особенно ценно свидетельство Боброва о том, что Александр Львович не пользовался расположением университетского начальства, обходившего его наградами, а также повышением по службе. Не менее важен рассказ Боброва о взаимоотношениях А. Л. Блока и Г. Ф. Симоненко⁵, ибо он вносит существенную поправку в книгу Ник. Дубровского «Официальная наука в царстве Польском» (СПб., 1908), где автор ставит между этими профессорами чуть ли не знак равенства и рассматривает обоих как представителей господствующей в Польше клики ставленников царской России.

Вопрос о Симоненко, профессоре политической экономии, активном противнике теории Маркса, ясен. Не случайно, между прочим, в книге В. В. Есипова «Материалы к истории императорского Варшавского университета» (Варшава, 1913) ему посвящен самый обширный и хвалебный очерк. Что же касается А. Л. Блока, то тут дело обстоит сложнее.

Работая с Александром Львовичем бок о бок в течение шести лет, Бобров знал и его учеников, которых он называет поименно. В перипетиях бурного и сложного XX в. каждый из них нашел свой путь в жизни и все они, каждый в своем роде, оказались людьми значительными, а значит, не случайно были в числе близких учеников А. Л. Блока, воспитывались и мужали под его влиянием.

Существенно в воспоминаниях Боброва и то, что он запомнил, с какой простотой и непосредственностью обидчивый и подозрительный Александр Львович относился к тем людям, в которых он чувствовал по отношению к себе доброжелательное расположение и сердечную теплоту.

Вот об этой особенности его сложной природы и пишет Е. С. Герцог (1884 — ?); в доме ее родителей А. Л. Блок был частым гостем.

Воспоминания Екатерины Сергеевны Герцог написаны для Государственного литературного музея, и оригинал хранится в отделе рукописей⁶. С этими воспоминаниями она выступала в музее 26 декабря 1955 г. на литературном вечере, посвященном 75-летию со дня рождения поэта.

Через всю свою нелегкую жизнь Герцог пронесла добрую память о близком приятеле своего отца. Возможно, что ее воспоминания несколько «высветлены», потому что связаны с лучшим временем юности. Однако фактам, которые она приводит, не доверять нет оснований.

В семье Гофроницких, хорошо знавших Екатерину Сергеевну, о ней говорят как о человеке широко образованном, интересном, скромном и очень порядочном. В этой семье до сих пор помнят, как трогательно относилась молодая девушка к необычайно одаренному мальчику, будущему знаменитому пианисту. Она очень ценила его редкостный дар, и он часто подолгу играл ей. Екатерина Сергеевна читала Володе свои стихи. Одно из них было посвящено ему.

В своей автобиографии Герцог пишет: «Я печатаюсь с 1908 г. Пишу стихи, прозу, сценарии, пьесы; перевожу с итальянского, польского, французского, английского. . . Некоторые мои рассказы переведены на польский и немецкий языки. . . Последнее место моей работы был музей МХАТ»⁷. В первые годы советской власти Герцог вместе с другими авторами выпустила несколько стихотворных сборников. В справочных книгах «Вся Москва» за 20-е годы она числится как литератор.

Серьезно интересуясь музыкой и литературой, Екатерина Сергеевна в свое время вела переписку с известным пианистом и дирижером В. И. Сафоновым, с выдающимся итальянским певцом М. Баттистини, с поэтом С. Д. Дрожжиным, принимавшим живое участие в ее судьбе и поддерживавшим в ней дух творчества. «Стихи Ваши в 1 № «Женского Дела» я перечитал с удовольствием, — пишет он ей 20 января 1914 г., — в них есть и настроение и огонек»⁸.

Екатерину Сергеевну хорошо знал Н. Д. Телешов, она была знакома с поэтом И. А. Белоусовым.

В Варшаве гостеприимство Герцогов, их простота, приветливость и интеллигентность привлекали в их дом людей науки и искусства. В. И. Сафонов в письме к Е. С. Герцог из Петрограда от 20 мая 1915 г. пишет: «Радуюсь за Вас, что Вы побывали в Варшаве и почтили память Вашего покойного отца, о котором у меня сохранилось теплое воспоминание. Я так и вижу Вашу столовую на Горной улице, как мы там пировали и беседовали»⁹.

Александр Львович был регулярным посетителем вторников Герцогов. В доброжелательной обстановке этой семьи он оттаивал душой и отдыхал. В рассказе Екатерины Сергеевны перед нами живо встает образ усталого ученого, облаченного в свой неизменный потрепанный сюртук. Ласково улыбаясь молодежи, забрасывающей его бесчисленными вопросами, он обстоятельно и эрудированно отвечает на них, давая справки на всех европейских языках.

Любопытно сообщение Герцог и о том, что Александр Львович охотно принимал участие в шарадах и других затях, которые устраивала собиравшаяся у них молодежь, а также и то, как трогательно он относился к маленьким детям.

Свидетельство Е. С. Герцог о посещении их дома поэтом в 1909 г. подтверждается пометкой Блока в его «Записной книжке»: «15-го вторник. Вечером у Герцогов»¹⁰.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ ГБЛ, ф. 218, кар. 1348, ед. хр. 7.

² ЦГАЛИ, ф. 341, оп. 1, ед. хр. 27.

³ ЦГАЛИ, ф. 553, оп. 1, ед. хр. 336.

⁴ ГБЛ, ф. 342, кар. 11, ед. хр. 16.

⁵ Григорий Федорович *Симоенко* (1838—1905) — профессор Варшавского университета по кафедре политической экономии и статистики.

⁶ ГЛМ, ф. 7, Нв 1226/1.

⁷ ЦГАЛИ, ф. 978, оп. 1, ед. хр. 6.

⁸ ЦГАЛИ, ф. 978, оп. 1, ед. хр. 5.

⁹ ЦГАЛИ, ф. 978, оп. 1, ед. хр. 3.

¹⁰ ЗК, 163.

Е. А. БОБРОВ

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ» ОБ А. Л. БЛОКЕ

Я хорошо знал покойного Александра Львовича Блока. Познакомился я с ним после моего переезда в Варшаву. Делая первый раз визиты всем товарищам профессорам, я не дозволился у двери его квартиры, которой он не покидал в течение 30 лет — Кошикова ул., № 29. Так как некому было оставить карточку, я через несколько дней зашел еще раз; и опять не дозволился. Та же участь постигла меня и в третий раз. Тогда я зашел к дворничихе Стручковой и попросил передать свою карточку, на что мне дворничиха возразила: «Да пан Блок дома, но только никому на звонки не отпирает». Это было первым указанием на многие странности, заключавшиеся в натуре Блока. Среди многолюдного и шумного города он жил своеобразным отшельником. Скоро я собрал от общих знакомых достаточно материала, который побудил меня искать знакомства этого своеобразного человека, вдобавок живо интересовавшегося моей специальностью — философией. Я, ввиду трудности проникать к Блоку, часто приглашал его к себе. Мы проводили с ним целые вечера в беседах на самые разнообразные темы. Он познакомил меня как со своей биографией, так и со своими взглядами. Особенно горько он рассказывал о тех притеснениях, какие ему суждено было испытать в Варшавском университете и от начальства, и от студентов, и от товарищей-профессоров. При чем он особенно жаловался на Г. Ф. Симоненко, профессора политической экономии. Недоразумения со студентами происходили из двух источников. С одной стороны, он не сходился с поляками на национальной почве; будучи славянофилом и государственнымником, он отнюдь не сочувствовал польским революционным стремлениям. С другой стороны, он доводил студентов до иступления своею невозможной манерой экзаменовывать, спрашивая каждого не менее получаса, а иногда даже от часа до полутора. Происходили дикие сцены. Студенты в истерике начинали кричать, бросали литографированный курс к ногам экзаменатора. Сам Блок показывал мне ругательные письма с наклеенной раздавленной молью. Текст гласил, что, подобно этой моли, будет раздавлена моль в образе профессора Блока. Эти выходки принимались им с несокрушимым видимым спокойствием и неуторопленной речью (Блок немного заикался). Начальство, отчасти ввиду постоянных скандалов со студентами, отчасти же в силу его самостоятельности не давало ему ходу, чуть ли не 20 лет выдерживало без повышения, в звании экстраординарного профессора, в то время, как разные ничтожества, не стоившие и пальца Блока, награждались деньгами, чинами, орденами, играли первые роли. Гордость, нелюдимость Блока, его постоянная погруженность в какие-то думы мешали ему сходиться с большинством товарищей-профессоров. По наружности он был высокий, очень худощавый, сутуловатый, несомненно еврейского, благородного типа мыслителя и пророка (о чем он мыслил, будет речь дальше), но к особо скорой дружбе ни внешность Блока, ни его манера говорить и относиться к собеседнику — не располагали; невольно чувствовалась огромная самостоятельность мысли и большая гордость. Мне посчастливилось довольно скоро сблизиться с ним, что, вероятно, отчасти объяснялось философией, которой Блок любил заниматься. Блок чувствовал везде и всегда себя одиноким, но этого одиночества не боялся. Близких отношений с молодежью он не искал, однако у него было некоторое количество верных и чрезвычайно преданных ему учеников, из которых я отмечу Спекторского, бывшего ректора Киевского университета, а ныне бежавшего за границу. К числу учеников Блока относились еще: польский еврей, профессор польской истории Ашкенази¹, профессор Новомбергский², Ф. В. Тарановский³, Топор-Рабчинский⁴, Рейснер⁵, ставший потом большевиком. Однако ни один из них, питая глубочайшую благодарность к своему учителю за его научное воспитание, не перенял для себя его специфической философии; каждый из них пошел своей особой дорогой. Курс лекций Блока был единственным в Рос-

сии, ибо нигде в русских университетах, кроме Варшавского, не читалось государственное право европейских держав, а преподавалось одно только русское государственное право. Блок же выработал, можно сказать, философию государственного права. Эта философия чрезвычайно трудно давалась студентам; некоторые места вообще среди этих лекций оставались для них непостижимыми, и такие места они называли сфинксами, Блоковскими сфинксами. Правда, нужно сказать, что Блок отдавал в литографию текст окончательно составленный и отредактированный им самим, причем каждый год этот текст перерабатывался заново. Вдобавок лекции одновременно выходили в двух изданиях, одно для поляков, другое для русских студентов. Причиной этого удвоения была особенная. Поляки часть весьма значительного дохода, получаемого с издания лекций, отправляли всегда на цели будущей польской революции в Швейцарию, в город Раппершвилль, где находился центральный польский революционный музей. Блок объяснял, что он не желает, чтобы на его труды богатела польская революция, а потому и сокращал число экземпляров лекций, поручаемых издавать полякам. Внешняя скромность Блока, происходившая от чрезвычайной гордости, в конце концов привела к тому, что много новых профессоров, не знавших, что такое Блок, ввиду его молчаливости на собраниях и советах начинали считать его жалким ничтожеством, которому и нечего сказать. Тому же способствовала и крайне жалкая одежда, в которую облакался мыслитель. Вечный черный сюртук и черные брюки насчитывали, конечно, не один десяток лет существования. Все на нем было вытерто, засалено, перештопано. Проистекало это не из материальной нужды, а из чисто плюшкинской жадности и скупости. После смерти его в его квартире найдено было денег в различных видах (медью, серебром, золотом, бумажками, билетами, облигациями) свыше 80 000 руб. Он никогда не позволял убирать своей квартиры, никогда в течение десятков лет ее не отапливал, не выставял рам, питался в высшей степени экономно и, по заключению врачей, этим недостаточным питанием сам вогнал себя в неизлечимую чахотку и уготовил себе преждевременную смерть на почве истощения. Он даже экономил на освещении квартиры. По вечерам он выходил на общую площадку лестницы, где горел даровой хозяйский газовый рожок, и читал, стоя, при этом свете или шел куда-нибудь в дешевую извозчицью харчевню, брал за пятак стакан чаю и сидел за ним весь вечер в даровом тепле и при даровом свете. Знавшие эти странности и слабости Блока и любившие его за его выдающиеся способности охотно приглашали его к себе в гости, немного подкармливали, угощая обедом, чаем, ужином. У Блока было все-таки несколько знакомых семейств, которые он посещал, куда он ходил охотно, будучи убежден в добром к нему расположении. Было у него несколько друзей женщин (особенно помнится мне жена суд-инспектора Крылова), которые, приглашая его к себе, угощая его, брали на себя заботу тут же, во время чая, собственноручно шить и штопать знаменитый сюртук, совлекая его с плеч мыслителя. Всего курьезней, что несмотря на свою славянофильскую манеру мышления, несмотря на глубокое уважение к исторически сложившейся России, в ее своеобразной государственной форме, — Блок в глазах начальства считался опасным человеком. Когда он раз вздумал прочесть актовую речь об отношении философской и общеправовой научной подготовки, получаемой студентами-юристами к их будущей служебной деятельности, то все переполошились. Симоненко, только что дослуживавший свой пенсионный срок, вопил, что если эту речь произнести и напечатать, то это якобы вызовет ни более ни менее, как войну с Германией, в результате которой он, Симоненко, не успеет дослужить своей пенсии. Речь была напечатана с такими сокращениями, которые не позволяют с ясностью проследить даже ее основную мысль. В другой раз его насильно назначили в годичную заграничную командировку, хотя он о таковой не просил и ехать не собирался. Считалось необходимым хоть на год прекратить его опасное пребывание и смягчить недовольство студентов. Конечно, Блок никуда не поехал и весь год пробыл в Варшаве. Вот о таких эпизодах он повест-

воваж с нескрываеваемой горечью. Можно вообще сказать, что Блока, кроме его прямых учеников по специальности, тех, которых он готовил к профессуре, никто не ценил, никто не понимал. Только в конце его жизни, уже на моих глазах (я прослужил с ним 6 лет) началось постепенное улучшение его участи. Сначала он получил ординатуру, потом его выбрали в члены библиотечной комиссии, мы в комиссии выбрали его в председатели. Кажется, это было первым его административным повышением, совершившимся благодаря моему настоянию. Потом он стал секретарем факультета, наконец, его выбрали даже в деканы юридического факультета и он стал членом правления университета. В этом звании он и умер. Умер Блок от чахотки (туберкулеза легких) и сильного истощения. За месяц до смерти, он, наконец, сам понял невозможность оставаться дальше одному на своей одинокой квартире, без отопления, без освещения и еды. Он был уже так слаб, что с трудом мог двигаться; ослабело сердце, опухли ноги, и он добровольно поступил в частную больницу на «Аллее роз», под названием «Дом здоровья». Для него этот дом оказался домом смерти. Я слышал, что Блок должен умереть, по расчетам врачей, на следующую же день. Было воскресенье, и я вместе с моей женой, которая тоже любила Блока, пошли его проведать и навсегда проститься. Как все умирающие от чахотки, он смерти не ждал, истину от него скрывали. Я начал говорить ему, что студенты ожидают его скорого выздоровления. (Состав студенчества в то время уже изменился, поляков осталось очень мало, Варшавский университет был заполнен сотнями русских семинаристов и отношение к Блоку со стороны студенчества стало уважительным.) Блок отвечал мне, что не дальше как в пятницу он возобновит свои лекции; между тем он был уже так слаб, что без посторонней помощи не мог даже поворачиваться на постели. Мы просидели у него часа четыре, вплоть до сумерек, и вели самые оживленные беседы. Я просил его, как только он выйдет из больницы, приходит ко мне обедать, на что он отозвался довольно курьезно: «Да, да, знаете ли, в столовой ужасно скверно кормят. Я буду к вам каждый день ходить обедать». Причесли при мне ему обед, как теперь помню — курицу с рисом, — он раза два ткнул вилкой и велел убрать, говоря, что готовят ужасно невкусно, но, конечно, причина была совсем другая: аппетита у него уже не могло быть. Говорили мы с ним и о философии, и о планах будущей работы, и о делах университета. Конечно, никто не поверил бы, что беседа идет с умирающим. Наконец, в сумерках мы простились с ним самым дружеским образом; в ту же пятницу обещался он нам после лекции прийти на обед. Жена моя, как нервная женщина, едва не разрыдалась тут же, при нем. Мы ушли, а рано утром в понедельник (1-го декабря 1909 г.) Александр Львович Блок уже перестал существовать. Я не участвовал в его похоронах, — мне это было чересчур тяжело. Приехали наследники: сын первой жены (урожденной Бекетовой), поэт Ал. Ал. Блок; мать его, сама лично, не приехала, приехала вторая жена — Мария Тимофеевна (урожденная Беляева) со своей дочерью Ангелиной Александровной. И они, и всякого рода посторонние лица, прежде всего полиция, ворвались в неприступную цитадель его квартиры, распротропили ее и в тюфяке на постели обрели целую каллифонию. Даже по полицейскому счету, как известно, весьма приблизительному, оказалось свыше 80 000 руб. накопленных ценой невероятных лишений за два с половиной десятка лет. Деньги поделили между собой обе семьи пополам, тело предали погребению, разъехались, разошлись, и на память о Блоке ничего не осталось, кроме нескольких брошюр и газет, совершенно не передающих целиком систему его мышления, которую пытался восстановить, неизвестно с каким успехом и с какой степенью достоверности, его ученик — Спекторский.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Симон Ашкенази (1868—1935) — выдающийся польский историк, профессор Лембергского (Львовского), а позже Варшавского университетов, автор многочисленных научных трудов.

² Николай Яковлевич *Новомбергский* (1871—1949) — историк, юрист и этнограф. В 1908—1918 гг. был профессором Томского университета. Позже — профессором Омского с/х института, сотрудником Краевой плановой комиссии. Его статья «Краведение и генеральный план развития народного хозяйства Сибири» («Сибирские огни», 1928, № 1) была положительно оценена Горьким.

³ Федор Васильевич *Тарановский* (1875—1936) — историк и славист. Занимал кафедру истории русского права в Юрьевском университете, был профессором Петербургского университета. После Октябрьской революции — профессор Белградского университета по кафедре истории славянского законодательства, член Сербской королевской академии, член-корреспондент Болгарской академии наук и Славянского института в Праге.

⁴ *Вл. Топор-Рабчинский* — профессор Варшавского университета, автор книги «Маккиавелли и эпоха Возрождения» (Варшава, 1908). На правах рукописи была издана его «Энциклопедия права. Курс лекций, читанных на I курсе юридического факультета Варшавского университета» (Ростов-на-Дону, 1916).

⁵ О М. А. *Рейснере* см. в публикации писем Блока Е. В. Спекторскому в наст. т. кн. 2.

Е. С. ГЕРЦОГ

ОТЕЦ ПОЭТА БЛОКА

Много писали, много пишут и будут еще много писать о поэте Александре Александровиче Блоке, и далеко еще не сказано последнее слово о нем, но мне хочется рассказать и о нем, и об отце его, давшем миру такого крупного поэта.

О трудах А. Л., о его личности как ученого, так и человека, есть, конечно, тоже достаточно материала, но мои воспоминания о нем будут касаться только его частной жизни (в период 1906—1909 гг.) в Варшаве, где он был профессором государственного права при Варшавском университете.

Если эти немногие штрихи могут служить как бы дополнением к общей сложной обрисовке личности А. Л., мне было бы чрезвычайно приятно. Приятно потому, что общее (одностороннее) мнение об А. Л. создалось как о человеке жестоком, как о деспоте, которому были чужды добрые движения души и все человеческие переживания.

Я не буду вдаваться в подробности его семейной жизни, которые мне мало известны, так как он никогда о них не говорил — а слухам не всегда можно доверять, — но расскажу о нем, каким я его помню в мои молодые годы, и помню простым, незлобивым, часто — кротким, и всегда — неизменно — интересным собеседником.

Правда, характер у него был нелегкий, с большими странностями, которые нередко бывают у людей, отдающих большую часть времени науке и труду, или у одиноких людей, не привыкших к заботам других о себе. Но кто знал его близко, прощал ему эти странности.

Александр Львович был другом моего отца и часто бывал у нас. Характеры их были очень контрастны. Мой отец был человек общительный, тоже глубоко образованный (юрист), чуткий и бесконечно добрый, но связала их общая любовь к науке, литературе и музыке.

Первым знакомством отца с Александром Львовичем был юридический диспут в существовавшем тогда юридическом обществе при университете. Александр Львович относился с исключительным трогательным вниманием и уважением к моему отцу.

Судьба забросила нашу семью в Варшаву, где мой отец служил по Министерству юстиции. В нашем доме собиралось большое и интересное общество — люди, жизнь которых красит жизнь других людей. В стенах нашей скромной квартиры бывали люди науки и искусства.

По вторникам у нас происходили исключительно научные собрания: беседы и чтение, и, конечно, всегда присутствовал А. Л. Он приходил раньше всех и уходил всегда последним. Хотя и бывал часто очень утомлен.

Трудно поверить, видя этого милого, ласково улыбающегося нам человека, что он — гроза студентов, неумолимо строгий и требовательный профессор. А. Л. не прощал небрежного отношения слушателей к своим лекциям и бес-

пощадно проваливал их на экзаменах. Студенты-поляки не любили строгого профессора. И, помню, как однажды он пришел к нам, и, смеясь, показал безграмотно написанное по-русски анонимное письмо с угрозой: если он будет «резать» студентов на экзаменах, то погибнет, как «этот моль». И на бумаге как иллюстрация была раздавленная моль. Угроза эта, впрочем, не исправила строгого профессора. Но были у него и преданные ему ученики, особенно один, Спекторский. Он бывал у А. Л. и очень любил и уважал его.

В частной жизни А. Л. был глубоко интересным человеком. Для нас — молодежи — он был книгой неисчерпаемого интереса. Мы постоянно закидывали его всякими отвлеченными вопросами и всегда получали подробное объяснение, историческую справку или филологическое пояснение на всех европейских языках, которые он знал в совершенстве. Я уже не говорю об его знании истории, литературы и музыки.

Когда, случалось, удивлялись его многостороннему образованию, он всегда отшучивался или говорил:

— Если человек способен оценить многостороннее образование другого, то каким же образованным должен быть он сам! У моего отца и у А. Л. была изумительная память. Они часами читали поэтов наизусть, начиная с Державина.

Особенно же часто повторяли «Евгения Онегина» — целиком, наизусть — с любой строфы.

В то время А. Л. жил одиноко (на Кошиковой ул.), весь уходя в книги и работу. С его слов мы знали, что он был женат два раза и имел от первой жены сына, а от второй — дочь. Портрет дочери стоял всегда перед ним среди хаоса книг, газет и вещей, и был большим трогательным контрастом веночек из цветов на портрете.

Говорил он о своей семье мало, и мы, понятно, не спрашивали. Говорили, что его деспотический характер и эта его отдаленность, как ученого, от будничной жизни, а также расчетливость усложняли его семейную жизнь — но я ничего об этом не могу сказать. Слышала только, что его вторая жена (урожденная Беляева) жила тогда своим трудом, воспитывая дочь Ангелину. Помогал ли ей А. Л. — не знаю.

Когда А. Л. случалось хворать, мой отец навещал его и всегда поражался той обстановке, в которой он жил. Прислуги у него не было; никто не топил печей, никто не убирал комнаты. На вещах, на книгах, иногда прикрытых газетами, лежали толстые слои пыли.

Ему бывало холодно зимой писать; руки его замерзали. Чтобы впустить немного тепла, он открывал дверь на лестницу или уходил куда-нибудь отогреться. Зачастую мой отец заставал его совсем застывшим и увозил к нам греться. Очень часто его обкрадывали в квартире. И случилось так, что зимой у него украли шубу. Он ходил тогда в каком-то коротком ватном пальто с рыжим потертым меховым воротником. Пальто это было похоже на дамский жакет, но А. Л. этим нисколько не смущался. Вообще он не много внимания уделял своему туалету. Приходил он к нам или в старом скюртуке, или в сером пиджаке, тоже «ветхом вельми», так же, как и обувь его.

Белье на нем всегда было не свежее, так, что воротнички были уже совсем серые, обтрепанные по краям. Запонки на рубашке всегда отсутствовали, и надето бывало на нем по две и даже по три рубашки. Вероятно, он надевал более чистую на более грязную или зимой ему было холодно. Ко всему этому мы относились не с порицанием или с насмешкой, а с сожалением, так как видели в нем человека с надорванной душой, всецело отдавшего себя науке и труду, обрешшего себя на жизнь аскета со всевозможными лишениями, ради какой-то цели, думали мы.

Почему в самом деле, имея возможность жить безбедно и нормально питаться, он жил, не пользуясь никаким абсолютно комфортом в Варшаве — в культурном центре? Вероятно, он долго и упорно копил деньги — трудовые, честно заработанные. Как будто, даже помнится, он говорил, что оста-

вит кое-что детям и на какие-то цели в университет. Впоследствии оказалось, что это был солидный капитал; в какой именно сумме он выразился — не помню.

Значит, если он и копил деньги, лишая себя всего, даже самого необходимого, то отнюдь не был скупым рыцарем, наслаждающимся в тишине звоном золота, а добровольным отшельником в миру ради какой-то большой и значительной для него цели.

Характерно, что наряду с такой бережливостью А. Л. не были чужды порывы, свойственные широкой натуре. Мне известен случай, когда он сам предложил займы без всякой расписки сто рублей знакомому в минуту его острой нужды в деньгах.

Так жил А. Л. в ту пору, когда мы с ним встречались.

Как сейчас помню его красивое, худое лицо со слегка западающими щеками, с темной, чуть седеющей бородой. Его высокий лоб с откинутыми назад волосами, сосредоточенный взгляд, часто усталый — говорили сразу о том, что это — человек науки. И как это часто бывает у таких отвлеченных людей, далеких от жизни, у него была какая-то детская, искренняя улыбка.

Наука, работа — были его жизнью, глубокие мысли рождались в его мозгу, а наряду с этим его интересовало все в жизни и иногда он упорно останавливал свое внимание на чем-нибудь очень незначительном, простом и житейском. Не оставались без внимания и люди, и прически дам.

Александр Львович любил играть с моей сестрой, прекрасной пианисткой, в четыре руки.

Любил он только Бетховена и Вагнера, и когда играл, увлекался и забывал о времени. Увлекаясь, подпевал, очевидно, уходя от всего окружающего.

У каждого из нас были свои любимые бетховенские сонаты и симфонии. А. Л. особенно любил сонату «Appassionata», а из симфоний — Пятую.

Он очень хорошо знал историю музыки и интересно рассказывал нам о о каждом произведении Бетховена.

Иногда рассвет заглядывал в окна нашей гостиной, а они все играли, и часто слушательницей была только я одна. Потом он вдруг сразу обрывал игру и очень поспешно, всегда очень извиняясь, смущенный, уходил.

Его ноты были всегда у нас. Иногда он просил меня петь (я училась пению) итальянские романсы, которые он любил, и сам аккомпанировал мне. В нашем доме жила близкая нам семья Софроницких, сын которых — десятилетний Вовочка — теперь известный пианист — часто приходил к нам и играл. Этот мальчик играл уже тогда как законченный пианист с блестящей техникой, доставляя наслаждение всем нам и Александру Львовичу, который всегда им восторгался.

Вовочка играл охотно и никогда не ломался. Это очень ценил Александр Львович. Играл он и отцу-Блоку и сыну, и оба искренно восхищались его игрой.

Но Александр Александрович слушал Софроницкого уже после смерти отца.

Помню, как сейчас, вдохновенное лицо поэта. Он откинул голову назад, на спинку кресла, и слушал мальчика, в игре которого, вероятно, чувствовал родственную поэтическую душу. Может быть, игра эта вдохновила его на новые строфы.

Владимир Софроницкий уже взрослым стал любить до обожания поэта Блока. Его комната была увешана его портретами. Когда умер А. А., я напонила ему, что он играл ему в детстве. Но он это забыл; он никак не мог припомнить, что играл своему любимому поэту, видел его, говорил с ним. И это его очень огорчало.

Я подарила ему стихи, написанные мне А. А. на память. Писал он их на бумаге со штампом «Café Empirge». Это было стихотворение «Осенний день прошел без дела». Наследственная любовь к Вагнеру передавалась поэту.

И, как ни контрастно, он любил Вагнера, как сказал он мне, и . . . цыганские романсы, в которых он видел надрыв русской души.

Возвращаясь к странностям А. Л., я вспомнила, что он всегда делал то, что считал наиболее удобным для себя.

Мои родители часто приглашали его обедать к нам, тем более, что питался он очень скверно в своем излюбленном дешевом баре «Ala novelka», куда он ходил зимой и греться, если очень прозябал дома. Но очень редко он приходил обедать в тот день, когда мы его ждали: он приходил на следующий день или на второй. Упрямство ли это, рассеянность, или увлечение работой, — мы никогда не знали. Когда раз моя мать, шутя, попеняла ему за это, говоря, что он всегда приходит на следующий день после приглашения, он засмеялся и сказал:

— Да-да. Простите, пожалуйста. Я был, очевидно, занят. Или я мог бы сказать вам, как некий англичанин, которого звали обедать, а он не пришел. А когда его спросили: почему он не пришел, — он задумался и, вдруг вспомнив, сказал: «Ах да! Дело в том, что я вчера не был голоден».

Единственно в чем он был аккуратен — это в посещениях наших вторников.

В числе постоянных посетителей вторников был Николай Иванович Викулин. Это был человек с большой эрудицией, красавец — старик-пенсионер, живший в Варшаве.

Обычно за чаем отец или мать читали вслух исторические или философские произведения. Затем шли рассуждения о прочитанном и оживленные диспуты. Иногда это была беллетристика и стихи Блока.

Жена Н. И. Викулина, с которой он давно разошелся, была известная писательница Pierre Coulvin (она взяла для псевдонима все буквы фамилии мужа). Жила она тогда в Париже. Мы следили за всем, что она тогда писала, и нередко читали ее произведения. А. Л. всегда реагировал на прочитанное и разбор и мнения его слушались с большим интересом и вниманием.

Часто у нас собиралась молодежь. Мы всегда приглашали и А. Л. — он нас ничуть не стеснял и даже нередко сам вызывался играть нам штраусовские вальсы. Он живо интересовался нашими шумными «petits jeux» и особенно любил, когда мы устраивали сложные шарады (charades en action). Иногда он сам давал нам темы. Он со вниманием следил за ходом шарады; думал, отгадывал слоги разделенного слова, и искренно смеялся финальному заключению шарады. Он отдыхал с нами и отвлекался от своей сложной и трудной работы.

Как-то раз весной, помнится, он ездил в Петербург. Приехал он оттуда не радостный, а скорее, сумрачный. Жаловался на «избыток» символизма в сыне. Символизма, которого он не понимал, и видел между сыном и собой пропасть, и это очевидно его огорчало.

Воспитанный на старой литературе в прежних традициях, он многое в творчестве сына не мог себе уяснить, хотя в душе и гордился им.

На одной из своих книг А. А. сделал надпись отцу: «Моему отцу по духу». Это «по духу» очень возмутило А. Л. и давало темы его многим комментариям. Все-таки, говорил он нам, горько улыбаясь, не только же я по духу ему отец.

Как-то раз он получил из Англии письмо от своего старого приятеля, который писал ему: «Неужели ты на старости лет стал писать стихи и ударился в символизм?» А. Л. был очень смущен и поспешил разуверить приятеля, что стихи пишет его сын, тоже Александр, а он по-прежнему пишет труды по государственному праву.

Когда в один из вторников А. Л. не пришел к нам, мой отец пошел к нему на следующий день навестить его. Оказалось, что он простудился и уже несколько дней лежит. Кругом в комнате было, как всегда, холодно, не убрано, неприветливо. Врач определил крупозное воспаление легких, и, так как на дому без ухода, оставаться ему было невозможно, мой отец настоял, чтобы его перевезли в больницу (кажется, на Аллее Роз). Каждый день его навещали

попеременно Викулин, Спекторский и мой отец. Вести из больницы приходили все печальнее — очевидно, и плохое сердце, и надорванный организм не смогли бороться с болезнью. А. Л. сознавал это и просил написать сына, жену и дочь. Но конец наступил раньше, и приехавшая семья не успела с ним проститься. Благодаря этому печальному для нашей семьи событию мы познакомились с женой А. Л. (урожденной Беляевой), с А. А. и дочерью Анжелиной. Все трое бывали у нас и отдельно, и вместе.

Мой отец был одним из душеприказчиков А. Л., но я не помню, в чем это выражалось. Как я уже говорила, им был оставлен солидный капитал, но как распорядился им А. Л., я не могу припомнить. Дети, конечно, не были забыты.

Похороны А. Л. были торжественные и грустные. Было много его коллег, много венков, говорились речи. Но мало было душевной печали. Плакала Ангелина, плакали мы, потеряв друга, был очень удручен Спекторский. Потеря эта для нашей семьи была очень ощутительна.

Долго еще после казалось, что вот придет он, как всегда, немного сторбившись, быстрой походкой, слегка сгибая колени на ходу и везя ногами, обойдет всех, здороваясь, и сядет на свое всегдашнее место рядом с отцом.

С ним лишились мы преданного друга и самого интересного собеседника.

С Анжелиной я сразу подружилась. Это была прелестная, милая девушка, умная, развитая. Внешность ее очень подходила к ее имени. Я звала ее Ангелочком.

Ко мне она почему-то сразу почувствовала симпатию. Мы проводили с ней целые часы в интересных беседах. Об отце она говорила мало, так как мало и знала его, но жалела его искренно.

Возвратившись в Петербург, она писала мне письма на отвлеченные темы красивым слогом и всегда под конец выражала надежду на встречу. Но видеться нам, к сожалению, так и не удалось. . .

К брату у нее было какое-то благоговейное чувство; она гордилась им, но слишком он был сложная натура, чтобы быть только родственным, только семьянином и братом. Мы все знаем, что прежде всего он был поэтом. Ангелина писала мне, что виделась они редко и что он очень занят.

Между прочим, встреча дочери и сына очень волновала А. Л. Как ни странно, но он очень часто серьезно говорил о том, что боится этой встречи и возможного увлечения детей друг другом.

— Как это бывает в романах, — говорил он.

Такие же странные опасения высказывал он совершенно серьезно моей матери и в отношении меня, боясь, что я, в то время увлеченная интересной и интенсивной перепиской с певцом Баттистини, называвшим меня своим другом, могла увлечься им, и тогда несчастье это принесло бы много огорчений мне и моим родителям. . . Мы, конечно, смеялись, так как ничего подобного не могло случиться.

Перепиской этой сам А. Л. живо интересовался, и, так как она была почти всегда на отвлеченные темы, мы часто вместе с ним разбирали не всегда разборчивый почерк Баттистини, писавшего мне на своем родном языке.

И случилось так, что Ангелина у нас познакомилась с своим братом, за завтраком. Она очень волновалась, ожидая эту встречу. Поздоровались они сердечно, просто, но было странно подумать: что мешало брату и сестре увидеться гораздо раньше, живя в одном и том же городе?

А. А. задержался после похорон на некоторое время в Варшаве и бывал у нас часто.

Мне сейчас очень трудно вспомнить каждое из этих посещений, и все то, что говорил он, но одно я твердо помню и знаю, что об отце своем он не сказал ни одного недоброго слова и ни одного осуждения или упрека ему, и, хотя, видимо, он не очень был огорчен этой смертью, все же он переживал ее по-своему. Он часто бывал задумчив, рассеян, не сразу отвечал на вопросы.

Впрочем, может быть, он всегда был таким — не знаю. Поэты ведь не подходят под общую рамку людей.

Из наших общих разговоров с А. А. я удержала в памяти спор между ним и кем-то из наших гостей.

А. А. говорил о том, что слишком большая скученность людей в городах мешает творчеству, вредит здоровью и вообще усложняет жизнь.

— Поэтому, — говорил он, — чтобы оздоровить людей в городах, необходимо им быть ближе к природе; строить дома в садах — фаланстерии, — где бы люди не мешали друг другу. Оппонировавший ему доказывал, что ведь через некоторое время та же скученность людей образуется и там и будет «город за городом», причем может получиться нехватка хорошей земли для всех, и кому-нибудь придется жить в таких же плохих условиях, в сырой местности, и т. д. — Таким образом, цель — оздоровление — не будет достигнута. Но А. А. отстаивал свои планы. Осталось в памяти у меня еще, как на чье-то замечание «это не поэтично», он сказал, улыбаясь:

— Что такое значит «не поэтично»? Два или три раза в день есть — тоже не поэтично, жить в городе — тоже не поэтично, не поэтично ездить на извозчиках и т. д.

Это запомнилось почему-то.

Конечно, говорил он много более интересного, но длинная вереница тяжелых дней, пережитых после, естественно, пресекла многое в моей памяти.

В одно из посещений — это было вечером, как раз во время игры на рояли Софроницкого, я робко отдала ему на суд свои стихи и очень волновалась, пока он их внимательно читал тут же. Он похвалил одно мое стихотворение, только что написанное тогда мною — мелодекламация на музыку Оскара Недбал — «Valse triste». Он похвалил музыкальность стихов, их лирику и содержание, но о форме сказал, что она устарела. Это были очень лирические, очень женские стихи. Я очень беспощадна в оценке своих стихов и потому сочла тогда похвалу А. А. за простую светскую любезность. Тем не менее, прощаясь перед отъездом, он вспомнил о них и сказал:

— Работайте над стихами.

Заканчивая свои воспоминания об А. Л., я перечла все написанное мною, и в моей памяти вдруг встал один эпизод — иллюстрация того, что родственное и даже нежное чувство к детям жило в этом непонятном человеке.

Однажды А. Л. пришел к нам какой-то торжественный, праздничный. Глаза его мягко светились. Он сказал нам, смущенно и радостно улыбаясь:

— А я — дедушка! У сына ребенок родился. Значит, мой род не погибнет. . .

И он улыбался, счастливый, когда мы его поздравляли. Вероятно, он любил детей. Я помню, как потом, когда подросла моя племянница, было странно и необычно видеть, как этот человек науки, не от мира сего, целовал ручку девочки, сажал к себе на колени, что-то с ней говорил. . .

Ведь все эти гаммы семейной жизни были им почему-то добровольно оборваны, и, раб науки, а может быть, своей злой воли, разрушившей его семейный очаг, он жил одиноко, неуютно, заброшенно. Почему? Почему он мог так внимательно, сердечно относиться к нашей семье, в сущности, чуждой ему, жить нашими интересами, имея возможность пользоваться всеми радостями семейной жизни, жить с милой умницей дочкой, о которой он, собственно говоря, так редко говорил?

В ответ на этот мой вопрос мне сейчас вспомнились слова одного итальянского писателя:

«Душа человеческая — как огромный, непроходимый, таинственный лес, в котором не знаешь, где кончается тень и начинается свет».